

Российский
экономический
журнал

Специальный
выпуск

ВЭО РОССИИ:

250 ЛЕТ НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ

В 2015 году отмечается событие особой исторической важности для страны и российского общества — 250-летие Вольного экономического общества России (ВЭО России). Вольное экономическое общество России — первый институт гражданского общества страны, старейшая общественная организация Европы и мира — основано в 1765 году указом императрицы Екатерины II.

Настоящий специальный выпуск журнала «РЭЖ» подготовлен к Юбилейному съезду ВЭО России на тему «Вольное экономическое общество России: 250 лет на службе Отечеству», который является кульминационным мероприятием обширной программы юбилейных мероприятий, приуроченных к 250-летию ВЭО России.

Цель научной дискуссии на съезде — актуализация исторического и научного наследия Вольного экономического общества России применительно к задачам современного этапа, разработка эффективной модели социально-экономического развития страны.

Представленные в журнале материалы подготовлены ВЭО России по итогам дискуссий, состоявшихся на площадках Вольного экономического общества России в рамках подготовки к Юбилейному съезду, на основе аналитических статей юбилейного издания Трудов ВЭО России.

**Юбилейный съезд
«Вольное
экономическое
общество России:
250 лет на службе
Отечеству»**

Сергей Нарышкин,

председатель Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации

Приветствую участников юбилейных мероприятий в честь 250-летия Вольного экономического общества России.

Объединяя незаурядных, талантливых людей, Вольное экономическое общество во все времена стремилось к поиску наиболее эффективных путей развития страны.

Сегодня на повестке дня — запросы нового времени, связанные с укреплением национальной экономической безопасности, построением антикризисных стратегий, обеспечением занятости населения при повышении производительности труда.

Активное участие как молодых, так и уже состоявшихся ученых и предпринимателей в этих дискуссиях способствует развитию научно-технического и интеллектуального потенциала российского общества. А внимание к отраслям реальной экономики обеспечивает действенность разрабатываемых решений.

Сергей Лавров,

министр иностранных дел Российской Федерации

Сердечно приветствую участников и гостей юбилейного съезда Вольного экономического общества России.

В летописи Общества, отмечающего в нынешнем году 250-летие со дня основания, немало ярких имен известных ученых, блестящих государственных деятелей, видных политиков, которые внесли существенный вклад в укрепление российской государственности. Отрадно, что и сегодня, опираясь на богатый опыт и накопленные традиции, ВЭО реализует востребованные проекты и программы, а члены Общества ведут многогранную научную и просветительскую работу, содействуют социально-экономическому развитию страны, повышению уровня жизни граждан. В современных условиях, когда перед нашей страной стоят масштабные задачи по обеспечению комплексной модернизации, такие усилия заслуживают глубокого уважения.

В Министерстве иностранных дел приветствуют активную международную деятельность Вольного экономического общества, способствующую расширению гуманитарных связей с зарубежными партнерами, упрочению атмосферы доверия и взаимопонимания в мировых делах. Готовы к конструктивному взаимодействию в интересах продвижения объективного образа России, защиты интересов российского бизнеса за рубежом.

Желаю вам плодотворных дискуссий и всего самого доброго.

Александр Бречалов,

секретарь Общественной палаты Российской Федерации, сопредседатель Центрального штаба Общероссийского народного фронта

Приветствую всех вас от имени Общественной палаты Российской Федерации!

Ваши заслуги трудно недооценить. Будь то разработка теорий, или внедрение новых практик на землю, ВЭО всегда было и остается примером для других.

Члены Общества не боялись трудных задач, которые казались другим невыполнимыми. Толстой, Кутузов, Крузенштерн, Сперанский, Столыпин, Орлов, Павлов и многие другие выбрали вас, чтобы менять Родину к лучшему, и это неслучайно.

Сегодня ваше собрание является одним из ведущих институтов гражданского общества в России, объединяющим более 300 тысяч специалистов. 250 лет — большой срок, и я уверен, впереди у вас еще большие свершения!

От души желаю вам всего самого доброго!

Максим **Топилин**,

министр труда и социальной защиты Российской Федерации

От имени Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации и себя лично поздравляю с 250-летием деятельности Вольного экономического общества России.

На протяжении всей своей долгой истории Общество объединяло талантливых экономистов, известных ученых, видных государственных деятелей с целью развития прикладной экономической мысли. Сегодня вклад общества в решение таких задач, как содействие развитию интеллектуального потенциала страны, проведение независимой оценки качества экономического образования, поистине значим и важен для всей России. Желаю Вольному экономическому обществу дальнейшей плодотворной работы и успехов в реализации научных образовательных и просветительских проектов.

Сергей **Собянин**,

мэр Москвы

Членам Вольного экономического общества России

Уважаемые коллеги!

Сердечно поздравляю вас со знаменательным событием — 250-летием со дня основания Вольного экономического общества России.

На протяжении веков Общество вносит большой вклад в решение ключевых задач экономического развития нашей страны. Его огромной заслугой является сохранение и приумножение лучших традиций российской экономической школы, преемственность поколений в экономической науке.

Сегодня ВЭО России продолжает играть важную роль в экономической, научной и общественной жизни государства. Объединяя ведущих экономистов-практиков, ученых и экспертов, ваша организация является авторитетной площадкой для обсуждения актуальных вопросов экономической теории и практики, дает объективную оценку российским преобразованиям. Ваши труды отличаются творчеством, новаторством, научной смелостью и прикладной характер.

Убежден, что Общество будет и впредь содействовать решению сложных социально-экономических вопросов развития страны, предлагать новые прогрессивные модели экономического роста.

Желаю вам, уважаемые коллеги, крепкого здоровья, благополучия, успешного осуществления намеченных планов.

Георгий **Полтавченко**,

губернатор Санкт-Петербурга

Дорогие друзья!

Рад приветствовать участников и гостей Юбилейного съезда Вольного экономического общества!

Два с половиной столетия всемирно известная общественная организация — одна из старейших в мире — находится на службе нашего Отечества.

Членами Вольного экономического общества, созданного по Указу императрицы Екатерины Великой, были наши выдающиеся сограждане — политики и государственные деятели, полководцы и флотоводцы, ученые и писатели. В добрых делах и поступках их объединяло главное — желание приносить пользу государству, в полную силу трудиться на благо Родины.

Сегодня Вольное экономическое общество является одним из важнейших институтов, деятельность которого способствует формированию гражданского общества в нашей стране. Его работа направлена на сохранение и приумножение исторических традиций, экономическое и социальное развитие России, укрепление ее научно-технического и интеллектуального потенциала.

Уверен, что Вольное экономическое общество и дальше будет служить делу прогресса и просвещения.

Желаю всем участникам Юбилейного съезда плодотворной и успешной работы!

Андрей **Воробьев,**

губернатор Московской области

Уважаемые участники Юбилейного съезда!

Поздравляю вас с 250-летием Вольного экономического общества России!

На протяжении двух с половиной веков Общество вносит большой вклад в развитие науки и просвещения, содействует проведению реформ и преобразований в стране.

Главной целью Общества всегда был и остается экономический рост России. Успешно сочетая исследовательскую и практическую деятельность, оно ведет поиск оптимальных моделей новой экономики, изучает мировой опыт антикризисных мер, способствует развитию интеллектуального потенциала страны, творческой активности ученых и специалистов.

Уверен, что Юбилейный съезд Вольного экономического общества России представит широкий спектр мнений по актуальным вопросам и даст возможность выявить новые подходы к решению современных проблем.

Желаю вам конструктивных дискуссий, плодотворного обмена опытом, смелых идей и дальнейших успехов в научном поиске!

Рустам **Минниханов,**

президент Республики Татарстан

Дорогие друзья!

Поздравляю вас со знаменательным событием — 250-летием со дня основания Вольного экономического общества России.

Основанное в 1765 году под покровительством Екатерины II, оно стало первой в России независимой общественно-научной организацией, которая сегодня имеет 11 тысяч отделений практически во всех регионах Российской Федерации и объединяет свыше 300 тысяч членов.

Активное сотрудничество с государственными структурами, осуществляемая членами Общества консультационная деятельность, проводимые мероприятия и создаваемые научно-исследовательские работы содействуют экономическому и социальному прогрессу мирового сообщества и в первую очередь — развитию интеграционных связей России в современной системе мировой экономики.

Примите еще раз самые добрые пожелания по случаю юбилея Вольного экономического общества России.

Искренне желаю больших творческих успехов, интересных дискуссий, успешной и плодотворной работы!

Сергей **Катырин,**

президент Торгово-промышленной палаты Российской Федерации

Уважаемые коллеги!

В этом году вы отмечаете историческую дату — 250 лет деятельности Вольного экономического общества России! Это знаменательное событие в экономической жизни страны и профессионального сообщества.

ВЭО России сегодня — авторитетная экспертная и дискуссионная площадка, синоним предельно открытого, профессионального, конструктивного диалога по наиболее актуальным вопросам социально-экономического развития страны.

В дискуссиях ВЭО России традиционно участвуют первые лица государства, федеральные министры, руководители регионов, представители мирового и российского бизнеса, ведущие российские и международные эксперты. Итоги дискуссий находят практическое воплощение в рекомендациях органам исполнительной и законодательной власти, вырабатываются конкретные механизмы реализации стратегической задачи развития российской экономики.

Ваша площадка — это уникальная возможность осмыслить накопленный опыт в проведении экономических реформ и понять, что и как нужно делать для построения сильной и конкурентоспособной модели развития Российского государства.

Уверен, что участие в Юбилейном съезде Вольного экономического общества представителей власти и деловых кругов регионов России будет способствовать укреплению делового взаимодействия, позволит расширить возможности для взаимовыгодного сотрудничества.

Желаю всем участникам Юбилейного съезда успешной и плодотворной работы!

Александр **Шохин,**

президент Общероссийской общественной организации «Российский союз промышленников и предпринимателей»

От имени Российского союза промышленников и предпринимателей примите искренние поздравления с юбилеем Вольного экономического общества России!

Вы объединяете ученых, экспертов, предпринимателей, представителей органов власти, неравнодушных к задачам, стоящим перед страной.

Вольное экономическое общество стало одной из наиболее интересных дискуссионных площадок, на которых вырабатываются предложения по формированию эффективной стратегии социально-экономического развития России.

Убежден, что опыт Вольного экономического общества и дальше будет востребован при решении задач развития страны.

Михаил **Шмаков,**

председатель Федерации независимых профсоюзов

Уважаемые делегаты и участники Юбилейного съезда ВЭО России!

Поздравляю вас и всех участников Съезда со знаменательной вехой в истории Вольного экономического общества — его 250-летием! За прошедшие годы Вольное экономическое общество — первый институт гражданского общества России — стало наиболее авторитетным научным сообществом нашей страны и площадкой для плодотворных дискуссий по наиболее актуальным проблемам экономической жизни.

Исключителен по своей значимости труд выдающихся ученых, академиков и экономистов-практиков, входящих в Общество, ставший отправной точкой для научного осмысления и практической реализации многих начинаний социально-экономического развития России.

Вольное экономическое общество не останавливается в развитии и сохраняет открытость для новых идей и гибкость для объективного осмысления современных вызовов, встающих перед Россией.

Желаю делегатам и участникам Юбилейного съезда плодотворной работы и успехов в реализации намеченных задач!

Юрий **Гуляев,**

президент Международного и Российского союза научных и инженерных общественных объединений

Уважаемые друзья и коллеги!

Международный и Российский союз НИО горячо приветствуют руководство Вольного экономического общества, всех ученых и специалистов в области экономики и управления, принимающих участие в чествовании 250-летия основания Вольного экономического общества, с этой замечательной датой!

Сотрудничество Союза научных и инженерных общественных объединений и Вольного экономического общества сложилось давно, и наши организации, каждая в своей области, стоят в первых рядах борцов за национальное достоинство отечественной науки, техники, промышленности.

Мы высоко ценим наши деловые взаимоотношения, крепкую дружбу с вами, сложившуюся за годы многолетнего сотрудничества и плодотворной совместной работы. Надеемся, что и в дальнейшем будем оставаться надежными и верными коллегами и единомышленниками.

Желаем членам Вольного экономического общества крепкого здоровья, стабильного процветания, неиссякаемой созидательной энергии, дальнейшего укрепления лидерских позиций, успехов в благой и самоотверженной работе, которая так нужна сегодня России.

Великая альтернатива XXI века

Возможна ли другая цивилизация, основанная на других, чем сейчас, постулатах?

Гавриил **Попов**,

президент ВЭО России, президент Международного Союза экономистов

В наше сложное время мы все чаще слышим слово «**Анти**».

Антиглобализм. Антиевропеизм. Антифундаментализм. И так далее.

За этими «анти» выступает нечто более общее. Это общее — «**Альтернатива**».

Альтернатива углеводородной энергетике. Альтернатива мегаполисам. А на днях образовавшаяся в Германии новая партия была названа «Альтернативой для Германии». Ожидается, что процент поданных за нее голосов уже на ближайших осенних выборах в бундестаг ФРГ будет заметным.

Что стоит за этой всеобщей тягой к «Анти», превращающейся в грозную «Альтернативу»?

С моей точки зрения, в наступившем XXI веке перед человечеством возникла Великая Альтернатива — перспектива, противоположная нашей — Новой Цивилизации.

Цивилизацию, при которой мы живем, чаще всего называют Промышленной.

Она началась с первой промышленной революции — с паровых машин. Затем была вторая промышленная революция — появились электричество и двигатель внутреннего сгорания. И третья — эпоха электроники, атомной энергии, информатики.

А если говорить о социальных системах, то Промышленная Цивилизация прошла классический капитализм, империализм, государственно-бюрократический социализм, а сейчас живет при постиндустриальном строе. Ему предшествовали два великих кризиса: кризис капитализма и кризис государственного социализма.

Постиндустриальный строй попытался преодолеть болезни и капитализма, и государственно-социализма. И объединить их преимущества. У социализма он взял социальную ответственность и централизованное регулирование. У капитализма — рынок, конкуренцию. Там, где эффективно частное хозяйство — оно осталось. Там, где необходимо действовать в масштабе общества — утверждались государственный сектор и государственное регулирование. Политическим строем постиндустриализма стала демократия. Демократия особого типа — всеобщая, популистская.

Но постиндустриализм в его современном варианте оказался обременен кризисами.

Прежде всего, это **военные конфликты**. В Иране, Афганистане, Югославии, Африке, арабских странах.

Мир захватил **террор**. Рухнули башни небоскребов в Нью-Йорке. Взрывы гостиниц в Индии, домов в Москве, в лондонском метро, расстрел в норвежском молодежном лагере.

Пришли и новые **конфликты**: национальные, гендерные, религиозные, моральные, бытовые.

Но самыми разрушительными стали **экономические кризисы**. Даже в Европе: Греции и Испании чуть ли не каждый третий гражданин и чуть ли не каждый второй молодой человек не имеют работы.

Сталкиваясь с трудностями и кризисами, постиндустриальный строй ищет средства их преодоления.

Подход первый — **Реванш**. Или возврат к капитализму (обновленному). Или возврат к государственному социализму — тоже обновленному. Здесь, на мой взгляд, перспектив нет.

Второй путь — **Ремонт** нынешнего постиндустриализма. Радикальных перемен и на этом пути тоже не будет.

Третий путь: принципиальное **Обновление** постиндустриализма и формирование **Нового Постиндустриализма**.

Четвертый путь — отказ от постиндустриализма и переход к новому строю, а точнее — к **Новой Цивилизации**.

Остановлюсь на последнем.

В мире появились и все более усиливаются те, кто выступает **не за улучшение постиндустриализма, а за отказ от него**.

Сначала выступили антиглобалисты. Они штурмовали то Давос, то города, где на «саммитах» встречались лидеры ведущих стран мира.

Затем на улицы вышли сторонники движения «Захвати Уолл-стрит».

Совсем недавно, буквально за год, в Италии сформировалась партия «Пять звезд».

И чем больше анализируешь эти процессы, тем больше понимаешь, что речь идет не о еще одном строе Промышленной Цивилизации, а о чем-то гораздо большем — о **Новой Цивилизации. Великой Альтернативе**.

Я составил схему двух идеологий: идеологии нашей Промышленной Цивилизации и идеологии будущей,

Но рост производства, с одной стороны, выходит на то, что называют пределами роста. С другой — на выходящее за рамки реальных потребностей разбухающее потребление.

Третий постулат нашей цивилизации — **идея равенства всех людей**.

Казалось бы, никаких сомнений в необходимости равенства и быть не может.

Но в самом фундаменте человека заложены различия. Мужчины и Женщины. Люди разного возраста. Разных рас и национальностей. И, самое главное, разница в интеллектах.

Четвертый постулат нашей цивилизации — производство **товаров** и **рынок** независимых производителей со свободной **конкуренцией** между ними.

Если Экономический Человек — главная ценность, то в экономике именно свободный рынок и свободная конкуренция будут тем механизмом, который отвечает Экономическому Человеку.

« ОСНОВНЫЕ ТРУДНОСТИ ПРОМЫШЛЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ СВЯЗАНЫ С КОНФЛИКТОМ ФИНАНСОВОЙ, ДЕНЕЖНОЙ И РЕАЛЬНОЙ ЭКОНОМИК

Новой, Альтернативной Цивилизации. И выделил пять главных краеугольных камней Промышленной Цивилизации.

Это прежде всего трактовка Человека. Человек в нашей цивилизации признается как **Экономический Человек**. У него есть и разум, и воля, и мораль. Но главное в нем — это удовлетворение материальных потребностей.

Второй постулат нашей цивилизации — постулат **непрерывного роста производства**.

Чтобы удовлетворять потребности Экономического Человека, непрерывно совершенствуют производство. И обслуживающие производство науку, образование, культуру.

Рынок и конкуренция делают победителями тех, кто работает лучше. Рынок предполагает деньги. И Промышленная Цивилизация становится финансовой.

Гибкость и преимущества финансовых структур позволяют бурно развиваться производству.

Но при этом выяснилось, что многие характеристики человека нельзя измерить деньгами. Деньги вообще не приемлемы для оценки перспективных, долгосрочных проблем.

Основные трудности Промышленной Цивилизации оказались связаны именно с конфликтом финансовой, денежной и реальной экономик.

И наконец, пятый постулат промышленной цивилизации — **демо-**

« ПРЕЖДЕ ВСЕГО, НАДО ПЕРЕЙТИ К РАЗУМНОМУ ПОТРЕБЛЕНИЮ, ЗАТЕМ — К РАЗУМНОМУ ПРОИЗВОДСТВУ. И — В ИТОГЕ — К РАЗУМНОМУ ОБРАЗУ ЖИЗНИ В ЦЕЛОМ

кратия как лучшая форма государственного устройства общества.

Демократия — естественная надстройка над рынком и свободной конкуренцией.

Но — как и при анализе рынка — выясняется растущее уменьшение потенциала демократии.

Теперь попробуем поразмышлять: **возможна ли другая цивилизация, основанная на других, чем упомянутые, постулатах?**

Надо не фантазировать, а выдвигать то, что уже имеется и растет, усиливается. На мой взгляд, уже можно предварительно обозначить главные основы Новой Цивилизации. Для удобства сравнения их тоже можно объединить в пять позиций.

Первый постулат — тоже **Человек**. Но не Экономический, а **Разумный**. У Разумного Человека главное — не удовлетворение потребностей. Не эффективность. А именно *разумность*.

Конечно, и этот человек должен удовлетворять свои потребности. Но прежде всего он должен *думать*. Что есть. Во что одеваться. Как правильно жить.

Второй постулат. Среди потребностей Разумного Человека главной становится потребность развития **Интеллекта**.

Не набивание желудка едой, дома мебелью, сундуков — вещами, шкафов — одеждой, а развитие и пополнение своего Интеллекта.

Главным в человеческом обществе становится носитель Интеллекта — Интеллигенция. Это высший слой, мозг общества.

Третий постулат — признание **неравенства** людей.

Всех видов неравенства: полового, возрастного, расового и т. д. Но прежде всего — интеллектуального.

Признание неравенства — логичное следствие выдвижения на первый план Интеллекта.

Вместо критериев: имущество, деньги, кровь, расы, посты в иерархии — оценка прежде всего по интеллектуальным показателям.

Неравенство, которое опирается на Разумность, будет Справедливым.

Четвертый постулат — **терпимость**, лояльность, толерантность. Консенсус — как любит говорить М.С. Горбачев.

Толерантность прежде всего идейная. Терпимость ко всем и всему, что отличается от тебя.

Принцип терпимости компенсирует опасности принципа неравенства.

Пятый постулат — идея **организovanности и организации**.

Вместо стихийности, пассивного ожидания, поиска разного рода «невидимой руки» — идея разумного вмешательства.

Организованность — итог Разумности.

Идеология Промышленной Цивилизации логична: Свободный Человек. Свободный Рынок. Свободная Конкуренция. И итог: Человек экономический. Человек потребитель. Богатство материальное и т. д.

Но и идеология Новой Цивилизации логична. Человек Разумный. Его интеллект — главное. Интеллигенция — главная в обществе. Если есть интеллект, то есть и неравенство.

Неравенство интеллектов — справедливое. Если есть разумность, то логична терпимость. Если есть разумность, то логично вмешательство, логичны организованность и организация.

Обе цивилизации ориентированы на прогресс. Но прогресс Новой жестко ограничен Разумностью. А прогресс Промышленной Цивилизации более неразборчив в средствах, более беспощаден к людям, меньше ограничен социальными и моральными нормами. Более животный.

Опираясь на новую идеологию, уже сейчас можно наметить главные магистрали будущих перемен.

Их три. Первая: преодоление затратной цивилизации. Вторая: создание денежной рыночной экономики без финансового капитала. И наконец, третья: создание государства без номенклатуры при обуздании бюрократии.

Что значит **преодолеть затратную цивилизацию**? Это прежде всего перейти к разумному потреблению, затем — к разумному производству. И — в итоге — к разумному образу жизни в целом.

Новый образ жизни, скорее всего, будет состоять в отказе от мегаполисов как главного вида современного образа жизни. Главными станут небольшие городки, во многом специализированные: на науке, на учебе, на лечении и т. д.

Другое возможное изменение — перемещение населения нашей планеты в те ее зоны, которые наиболее пригодны для жизни: по климату и другим природным характеристикам.

Одна из баз нового образа жизни — Интернет.

Такие принципиальные изменения в системе потребления, в производственной системе и в образе жизни человека станут возможны, если будет **устранен главный противник Новой Цивилизации — Финансовый капитал**.

Человечество, создав деньги в качестве всеобщего эквивалента затрат труда, совершило гигантский шаг в экономическом строе цивилизации.

Даже государственный социализм, обещая теоретически упразднить деньги и построить из золота туалеты, на практике активно использовал деньги.

Поэтому есть все основания предполагать, что и Новая Цивилизация будет использовать и деньги, и рыночные механизмы.

Однако финансовый капитал — это не просто деньги.

Это деньги, сконцентрированные в руках монополистов-олигархов.

Это далее, деньги, которые приносят прибыль и доход уже сами по себе, вне связи с реальной экономикой.

Новая Цивилизация должна не освоить, не использовать, а именно преодолеть, **вообще уничтожить финансовый капитал**.

Именно это стоит за лозунгами движения «Захвати Уолл-стрит».

Что значит «захватить» Уолл-стрит? Это значит устранить его базу, его суть. Конкретно — это **упразднить банки, ликвидировать биржи** и их базу — акции.

Вообще освободиться от финансового капитала. Не улучшить его, а вообще жить без него.

Вместо банков — для хранения (и только для хранения) денег населения — Сберегательные кассы. Для денег бизнеса — Общества взаимного кредита.

Основная часть банков должна быть упразднена, а небольшая — занятая общими проблемами экономики — стать Государственным Банком, образуя Экономический Центр общества.

Для ликвидации бирж надо принципиально изменить акционерный капитал.

Сами по себе акции как форма участия во владении собственностью сохраняются. Но их роль изменится. Их можно будет продавать только организации, выпустившей их.

Вместе с исчезновением торговли акциями *исчезнут и биржи*.

Конечной целью и результатом всех мер в области финансов и денег стоит не устранение денег, рынка и конкуренции. Устранять надо будет то, что как раз мешает рынку и свободной конкуренции — монополизм. И самый опасный из монополизмов — денежный.

Третий стратегический участок наступления Новой Цивилизации — **удар по бюрократии в целом и номенклатуре в особенности и прежде всего**.

Без бюрократии, ее иерархии и ее высшего звена — номенклатуры — современное государство и общество невозможны. Поэтому бесперспективно ставить вопрос так, как его ставят в отношении финансового капитала. Там лозунг — уничтожение финансового капитала. Но уничтожить бюрократию нельзя. **Ее надо не убирать, а обуздать**.

А конкретно: превратить из командира, начальника, директора в обслуживающий персонал. Обобщенно говоря — **речь должна идти о лишении бюрократии роли господствующего класса**.

Для этого целесообразно выделить и реализовать три комплекса мер.

Во-первых, это сокращение поля деятельности бюрократии и, соответственно, государства в обществе.

Во-вторых, это расширение и усиление контроля негосударственных частей Новой Цивилизации за государством и его бюрократией.

В-третьих, развитие механизмов внутреннего контроля бюрократии за самой собой.

Сначала о *сокращении поля усилий государства*.

В постиндустриальном строе не раз и не два при возникновении той или иной проблемы тут же

включается стандартный вариант ее решения. Сначала — найти деньги в кармане государства. Потом — поручить чиновникам государства истратить эти деньги для решения данной проблемы. В итоге в руках бюрократии оказались «ключи» от десятков проблем — от детских садов до охраны снежных барсов. В результате — всевластие бюрократии на каждом шагу.

Что бы ни взять: премии за лучшую книгу, конкурс музыкантов, научное обсуждение какой-то проблемы — везде чиновники, везде воля номенклатуры. О таких вещах, как присуждение ученых степеней, государственных наград и премий, говорить не приходится.

Чтобы сократить власть бюрократии, нужна генеральная чистка и изъятие массы проблем из рук бюрократии с передачей их в руки негосударственных структур.

И премии Оскара в кино, Нобеля в науке, звания сообщества врачей и медали Вольного экономического общества России для экономистов будут главными.

Прогнозировать будущее сложно и опасно во всякой науке — будь то биология или астрофизика. Но особенно опасно — в гуманитарных науках. Легко оказаться в области утопий.

В то же время и нам крайне важно хотя бы представить траекторию будущего развития. ❖

Промышленная политика России: уроки прошлого, черты настоящего, дизайн будущего

Сергей Бодрунов,

вице-президент ВЭО России, президент Межрегиональной Санкт-Петербурга и Ленинградской области общественной организации ВЭО России, директор Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте

Вызовы, с которыми сталкивается современная Россия, требуют адекватного реагирования в рамках обеспечения экономического роста и повышения благосостояния в условиях обострения структурных проблем и внешнего политико-экономического давления. Это объективно требует активизации промышленной политики, в том числе путем проведения новой индустриализации (реиндустриализации). Проанализируем опыт промышленного развития страны и сформулируем ключевые положения современной и перспективной промышленной политики.

Геополитические и геоэкономические вызовы, с которыми в последние годы сталкиваются российская экономика и общество, существенно обострили противоречия, которые были заложены в предшествующие десятилетия экономической эволюции. В результате сегодня перед экономическим сообществом и политическими властями стоит задача поиска новой модели экономического роста и, можно даже сказать, новой экономической доктрины.

В стране долгое время проводилась экономическая политика, номинально имевшая верные стратегические цели создания современного социального рыночного хозяйства, обеспечивающего модернизационную стратегию развития. Однако выбранные для этого средства — прежде всего сочетание идеологии «рыночного фундаментализма» с практикой теневого рынка и «ручного» государственного управления — вызвали стагнацию экономики.

По нашему мнению, нынешнее состояние российской экономики — в принципиальном плане — является следствием ее глубокой деиндустриализации. Это объективно повышает роль промышленной политики в современной экономической системе, делает ее одним из основных инструментов разрешения накопившихся проблем и противоречий.

Что делать в такой ситуации? Какую модель промышленной политики избрать?

В России сложилась своя собственная, уникальная экономическая система. Без учета ее характеристик и особенностей продуктивная экономическая и промышленная политика невозможна. Промышленная политика должна строиться на основе системного подхода. Данный подход, в свою очередь, требует отношения к экономике с точки зрения изучения ее элементов, их внутренних связей и системного качества, причем выделение последнего принципиально важно. Еще важнее рассмотрение экономической системы как целостной части более крупной суперсистемы.

Таким образом, для понимания российской экономической системы необходимо изучить, с одной стороны, обуславливающие ее существование и функционирование материально-технические предпосылки, с другой — социально-культурную среду, в которой формируется экономическая система.

При этом промышленная политика должна рассматриваться в более широком контексте цивилизационного развития России. Базовой парадигмой развивающейся, а не стагнирующей российской экономики должна стать ее реиндустриализация, а главной целью реиндустриализации, или «новой индустриализации» (иногда также применяется термин «неоиндустриализация»), должно стать восстановление роли и места промышленности в эконо-

мике страны в качестве ее базовой компоненты, причем на основе нового, передового технологического уклада.

Может показаться, что наши взгляды расходятся с получившими широкое распространение концепциями постиндустриального общества, идут вразрез с магистральными экономико-теоретическими идеями. Критический взгляд позволяет понять, что «постиндустриализм» во все не выступает всеобъемлющей характеристикой мировой экономики, и тем более нельзя «примеривать» его к России. Технологии — ничто, если только они не могут быть применены в промышленности и, будучи овеществлены в готовой продукции, смогут завоевать мировые рынки. Сегодня технологии меняют

мышленности в народном хозяйстве страны был крайне низким, а разрыв с передовыми индустриальными державами (Англией, Германией, США) — очень серьезным. Обеспечение промышленного роста С.Ю. Витте ставил в прямую зависимость от активизации железнодорожного строительства.

По его мнению, при определении размеров провозной платы по железной дороге следует отталкиваться не от расходов транспортных предприятий, а от условий образования цен на перевозимые товары в пунктах отправления и назначения, формируемых под воздействием спроса и предложения. По сути, он исповедовал системный подход к индустриальному развитию, о котором мы говорили выше. Индустриальное

« РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ ТРЕБУЕТ ИНТЕНСИФИКАЦИИ ТРАНСГРАНИЧНОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ТРАНСФЕРА

облик экспорта той или иной страны не сами по себе, а как средство эффективного и массового производства индустриальных благ.

Ретроспективный анализ процессов дореволюционного промышленного развития России показывает, что, несмотря на имевшиеся достижения в различных областях, системную основу индустриального развития страны во многом определили теоретические работы и реформы С.Ю. Витте.

Рост промышленности, основанной на машинном производстве, начался в России в последней трети XIX в. Оживленный промышленный рост наблюдался в 80-х гг. XIX в. Это были первые шаги отечественной промышленности, которая в массе своей еще опиралась на мелкие кустарные или полукустарные заведения. Удельный вес про-

развитие рассматривалось как системный феномен, достичь успеха в развитии которого можно, лишь консолидировав усилия хозяйственных агентов при направляющей роли государства.

Этот дореволюционный опыт, безусловно, востребован и в современных условиях. Именно комплексности и системности не хватает современной экономической политике России. Разрозненность и нескоординированность действий различных органов власти и управления как на федеральном, так и на региональном уровне создает институциональные барьеры для успешного осуществления мероприятий индустриального развития. При этом указанные проблемы в современных условиях проявляются гораздо острее, чем 150 лет назад, что определяется вектором современно-

го промышленного развития. Главный тренд нового экономического курса сегодня — не просто развитие промышленности, но и реиндустриализация на базе преимущественного развития высоких технологий, что усложняет процессы государственного регулирования.

Вторая волна индустриального развития связана с советским периодом нашей истории. Начало советской индустриализации было положено принятием плана ГОЭЛРО.

которые могут быть востребованы при проведении курса на реиндустриализацию, разработке и реализации мероприятий современной промышленной политики. Во-первых, и сегодня имеется необходимость развития крупных многопрофильных структур, организационно интегрирующих науку, образование и высокотехнологичное производство на сетевой основе. При этом важно учитывать рыночные стимулы и мотивы их создания и функционирования.

Еще одна грань сложившейся ситуации, определяющая положение российской промышленности, — это высокий уровень технологической зависимости отечественных предприятий от иностранных технологий.

Реиндустриализация требует интенсификации трансграничного технологического трансфера. Но экономические санкции либо существенно ограничивают его, либо делают попросту невозможным. Сегодня без активизации инновационного процесса внутри страны, опирающегося на тесную интеграцию образования, науки и производства, Россия продолжит оставаться в глубокой технологической зависимости, а отечественные производители не смогут отвоевать конкурентные позиции не только на мировом, но и на собственном внутреннем рынке. Это должно стать одной из доминант промышленной политики.

Итак, если мы хотим устойчиво развиваться, сохранить свои позиции как мировой державы, обеспечить национальную безопасность, нам предстоит достаточно жесткая и бескомпромиссная борьба.

Проведенные исследования позволяют обозначить приоритетные направления промышленной политики, ориентированной на проведение инновационной модернизации и реиндустриализации России.

В первую очередь необходимо решить проблему износа производственных мощностей и основных фондов, которая становится острее с каждым годом.

Далее, необходимо не только обновление основных фондов, но и повсеместное внедрение новых технологий.

К сожалению, в настоящее время инновационная деятельность в России характеризуется довольно низкой инновационной активностью предприятий при значительном научно-техническом потенциале. Удельный вес организаций, осуществляющих технологические, организационные, маркетинговые инновации, составляет менее 10%. Причина такого положения — отсутствие действенных механизмов трансформации этого потенциала в реальные, востребованные экономикой, и в частности промышленностью, результаты. Следовательно, требуется активное развитие институтов национальной инновационной системы.

« СЕГОДНЯ ПОТОК ИННОВАЦИЙ СДЕЛАЛСЯ НЕПРЕРЫВНЫМ, А НЕПРЕРЫВНОЕ ОБНОВЛЕНИЕ ЛИНЕЕК ПРОДУКТОВ И РАЗРАБОТКА НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ — ИМПЕРАТИВОМ ЭФФЕКТИВНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВА

Реализация плана запустила широкомасштабную индустриализацию в стране. В результате произошел существенный рост выпуска промышленной продукции. Промышленное развитие осуществлялось в рамках пятилетних планов, выполнение которых достаточно жестко административировалось. В итоге к 1940 г. в стране было построено около 9 тысяч новых заводов. К концу второй пятилетки по объему выпуска промышленной продукции СССР занял второе место в мире, уступая лишь США.

Новая волна советской индустриализации продолжилась и в период после ВОВ. Вплоть до 1980-х гг. в нашей стране уделялось значительное внимание развитию промышленного производства.

Обобщая советский опыт, с учетом современных реалий, можно отметить следующие моменты, ко-

ния. Во-вторых, для развития таких структур необходимы масштабные долгосрочные государственные программы. При этом они, в отличие от советских директивных планов, должны быть индикативными. В-третьих, эти программы должны иметь мощное идеологическое и политическое обеспечение, создающее дополнительную мотивацию для их реализации.

Главная задача, которую предстоит решать, заключается не просто в улучшении положения индустриальных отраслей по близким к классическим рецептам — за счет совершенствования конкурентной среды, улучшения менеджмента, привлечения зарубежных инвестиций и технологий и др. Глубина деиндустриализации и ее инерция в России сейчас таковы, что одним только действием механизмов конкуренции не обойтись.

Что даст следование этим приоритетам? Их учет в промышленной политике позволит достичь того, что изменения в промышленном производстве будут носить системный и целостный, взаимоувязанный характер. В итоге создаются предпосылки для того, чтобы решить задачу создания новой индустриальной системы, соответствующей передовому рубежу науки и техники XXI в. Новыми должны стать, во-первых, содержание технологических процессов; во-вторых, структура отраслей и размещение производств; в-третьих, внутренняя структура и типы кооперации производств и их интеграции с наукой и образованием; наконец, четвертое — и это едва ли не самое главное — экономические отношения и институты, обеспечивающие прогресс такого, принципиально нового, материального производства.

Поэтому нам нельзя ограничиваться только освоением технологий изготовления продукции, отвечающей современным требованиям. На новом фундаменте должны выстроиться все упомянутые выше элементы производственного процесса и сопряженные с ним.

Наблюдается тенденция перехода к сетевым принципам организации

не только бизнеса, но и собственно процесса материального производства. Это позволяет оперативно создавать и изменять конфигурации взаимодействия производителей с субпоставщиками, и вообще — с субконтракторами и аутсорсерами. На этой основе также возможно быстрое приспособление производимого продукта к индивидуальным запросам потребителей, а затем переход к новым продуктам, ориентированным на другого потребителя или пользователя, на другие рынки и т.п. В свою очередь, сетевая организация сама дает толчок все более широкому использованию индивидуализации производства. И эти процессы имеют тенденцию к приобретению лавинообразного характера.

Сегодня поток инноваций сделался непрерывным, а непрерывное обновление линеек продуктов и разработка новых технологий — императивом эффективного функционирования производства. То есть перспективное производство приобретает характер «непрерывной инновации»; исследование, поиск, передача, внедрение технологий становятся неотделимыми элементами такой производственной системы, частью производственного процесса. А такой элемент межсубъектных от-

ношений между научными и производственными структурами в рамках индустриальной деятельности, как например, трансфер технологий, просто уже становится обязательным, рутинным элементом производственного процесса.

Подводя итог, отметим, что промышленная политика России с течением времени непрерывно менялась, что было обусловлено как сменой взглядов на цели и задачи государственного регулирования экономики, так и изменением базовых институтов национальной государственности. При этом она имела и имеет системогенетическое ядро, обусловленное цивилизационными особенностями нашей страны. В результате формирование направлений, приоритетов, выбор инструментов промышленной политики требуют тщательной аналитической работы. Простое копирование зарубежного или собственного исторического опыта здесь недопустимо, так как может привести к непоправимым последствиям для всей социально-экономической системы Российской Федерации. Требуется анализ и селекция продуктивных идей с последующей их интеграцией в рамках единой, комплексной промышленной политики. ❖

О необходимости смены экономической политики России

Сергей Глазьев,

вице-президент ВЭО России, советник Президента России, академик РАН

Отношения между ядром и периферией мировой экономической системы характеризуются неэквивалентным экономическим обменом, при котором находящиеся на периферии страны вынуждены оплачивать интеллектуальную ренту, содержащуюся в импортируемых товарах и услугах, за счет природной ренты и затрат труда, содержащихся в экспортируемых сырьевых и низкотехнологических товарах.

Получаемые в результате неэквивалентного обмена сверхдоходы передовые страны расходуют на наращивание своего конкурентного потенциала, усиливая свои преимущества и закрепляя свое доминирование в мировой экономике. Господствуя над периферией, ядро «вытягивает» из нее наиболее качественные ресурсы — лучшие умы, научно-технические достижения, права собственности на наиболее ценные элементы национального богатства периферийных стран. Концентрируя финансовый потенциал, ядро навязывает периферии условия движения капитала и использование своих валют, устанавливая, таким образом, контроль над финансовыми системами периферийных стран и присваивая сеньораж в масштабах мировой экономической системы.

Преодоление постоянно воспроизводящегося технологического разрыва между ядром и периферией мировой экономической системы требует от развивающихся стран усилий по повышению конкурентоспособности отраслей с высокой добавленной стоимостью, что невозможно без соответствующих мер государственного стимулирования.

Для прорыва отстающих стран на передовую экономического

развития требуется концентрация национальных ресурсов на освоении перспективных направлений НТП. На это должна быть нацелена политика государства.

Чтобы правильно выбрать приоритеты, необходимо учитывать неравномерность технико-экономического развития, которая определяется процессом периодической смены технологических укладов.

В ходе каждого структурного кризиса мировой экономики, сопровождающего процесс замещения доминирующих технологических укладов, открываются новые возможности экономического роста. При наличии необходимого конкурентного потенциала правильный выбор приоритетных направлений его реализации позволяет кардинально повысить конкурентоспособность экономики и совершить скачок из технологической отсталости на передовую экономического развития. Более конкурентоспособными окажутся те страны, которые быстрее смогут выйти на траекторию роста нового технологического уклада и вложиться в составляющие его производства на ранних стадиях развития.

Для реализации открывающихся при смене технологического уклада возможностей скачка в развитии требуется мощный иницирующий импульс.

В условиях структурной перестройки критически важно обеспечить предпринимателей, осваивающих новые технологии, дешевым кредитом. Но в отличие от передовых в экономическом отношении стран, наши денежные власти в последние два года взяли курс на сжатие денежной массы. Результатом этой политики, как предупреждали ученые и эксперты, стало падение

производства при наличии значительных свободных производственных мощностей.

Вследствие политики российских денежных властей мы оказались в классической ловушке неэквивалентного внешнеэкономического обмена, когда наш конкурентный потенциал поглощается субъектами других стран.

Таким образом, в результате проводимой у нас макроэкономической политики Россия втянута в неэквивалентный внешнеэкономический обмен, при котором наш конкурентный потенциал работает на границу.

России необходимо незамедлительно перейти к суверенной макроэкономической и денежно-кредитной политике с полной реализацией имеющегося конкурентного потенциала, позволяющей расти на 6–8% прироста ВВП в год. Для этого требуется многоканальная система расширенного денежного предложения.

В условиях санкций необходим переход на внутренние источники долгосрочного и доступного для производственных предприятий кредита, резкое увеличение инвестиций в модернизацию и развитие экономики посредством институтов развития, кардинальное повышение инновационной активности в перспективных направлениях становления нового технологического уклада. Для их реализации потребуются переход к многоканальной системе кредита, введение избирательного валютного регулирования и контроля, осуществление деофшоризации экономики, кардинальное повышение эффективности антимонопольной политики и ценового регулирования. ❖

Российская идентичность в контексте новых вызовов и рисков

Михаил **Горшков,**

директор Института социологии РАН, академик РАН

В настоящее время установка этнической идентичности и солидарности выступает важнейшим элементом социального капитала и фактором общественной консолидации. Она является базой для формирования российского патриотизма и социального оптимизма.

События и процессы последних лет не просто изменили ландшафт политической и экономической жизни России и международного сообщества, а обозначили **качественно новый рубеж противостояния принципиально различных ценностно-нормативных систем жизнеустройства и развития.** При всей значимости финансово-экономических причин нового витка кризиса на глобальном и национальном уровнях именно противоположные цивилизационно-ценностные основания, определяющие разное понимание принципов миропорядка, подвели Россию, Европу, да и мир в целом, к необходимости преодоления череды новых глубоких конфликтов.

Одно из ключевых мест в них занимает **столкновение идентичностей.**

В условиях геополитической нестабильности и региональной взрывоопасности каждое государство призвано делать все возможное для укрепления национальной идентичности.

Государство призвано не только выбирать, формулировать соответствующую духовно-культурному потенциалу народа стратегию продвижения в будущее, мобилизовывать массы на реализацию намеченной программы, но и нести ответственность за результаты ее претворения в жизнь.

В России выстроилась отличная от западной модель государственности.

В контексте данной модели государство выступало не в качестве одного из «равноправных» субъектов отношений внутри социума, а как *лидер, руководитель и источник* всех основных форм и институтов общественной жизни. *Российское общественное здание строилось, в отличие от западных, не снизу вверх, а сверху вниз.* Это вовсе не признак отсталости от Запада. Это другая цивилизационная конструкция, выработанная в исторической адаптации как оптимальная для российских условий.

Какие особенности определяют специфическую роль государства в России?

Во-первых, высокая степень разпыленности населения, несопоставимость наличных людских ресурсов с пространственными параметрами, требующая поддержания территориальной целостности за счет включения фактора государственных скреп.

Во-вторых, догоняющий тип российской модернизации, необходимость форсированной ликвидации технической отсталости от Запада, достигаемой посредством этатистской мобилизации сил.

В-третьих, климатические и ландшафтные условия, порождающие особую ритмику труда (мобилизационный тип), целесообразность общинной и коллективистской модели труда и распределения.

В-четвертых, особая роль государства в России определялась постоянным военным фактором, внешними угрозами и повышенными рисками.

На процесс формирования российской идентичности большое влияние оказывает вопрос о нынешнем международном статусе России и, исходя из этого, определение целей, к которым она должна стремиться в XXI веке. Что касается целей международной политики России, то, на первый взгляд,

они очевидны — **вернуть ей статус великой державы.**

Нельзя ограничиваться лишь достижением паритета, речь необходимо вести об обеспечении синтеза гражданского и этнонационального сознания. При этом новое качество российской идентичности не может быть механическим сложением региональных идентичностей или, наоборот, гомогенным унифицированным образованием, обезличивающим национальные языки и культуры.

Жизнеспособной — и тем более могучей — общероссийская идентичность как внутреннее самосознание российской нации станет только в том случае, если будет включать в себя уникальный опыт выживания в истории и социокультурного творчества каждого из народов нашей страны, уникальный духовный потенциал и созидательные возможности каждой культурно-цивилизационной общности.

Утверждение национальной самобытности и культурного многообразия, синтез всех ментальных ресурсов и духовных достижений, социокультурных практик и гуманистических ценностей — наиболее продуктивный путь российской цивилизации XXI века.

Российская цивилизация и ее составляющие не могут ни копировать чужой социокультурный опыт, ни быть повернуты вспять к исторической архаике — какой бы самобытной и древней она ни была. Единственный способ сохранить цивилизационную идентичность в меняющемся мире — выявлять и использовать новые ресурсы самоутверждения и сохранения своей сущности. Иными словами, **единственный способ уберечь традиции от их разрушения — это их сохранение через обновление.** ❖

Мировоззренческие тупики экономической политики

Руслан **Гринберг,**

вице-президент ВЭО России, научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН

Застой и спад, девальвация рубля, неукротимая инфляция, сокращение социальных программ, потеря управляемости – все это неприглядная картина экономической жизни страны. Негативные внешние и внутренние факторы, кажется, объединились, чтобы испытать на прочность государство, которое одно и может – при наличии стратегического видения и умелой политики – приостановить разрушительные тенденции. Союзником в этом ему должна стать научная мысль, верный выбор которой обязаны сделать те, кто принимает государственные решения о стратегии и тактике управления страной. Главное здесь — освободиться от устаревших идеологем и руководствоваться прагматическими соображениями. Насколько мне известно, нигде в мире ни либералы, ни интервенционисты не ставят под сомнение действовавшую на протяжении всего XX века тенденцию поступательного расширения участия государства в экономической жизни любого социума. Есть, разумеется, различия по странам: где-то государственная квота, то есть отношение национального бюджета к ВВП, больше, где-то меньше. Но факт ее роста на протяжении большей части прошлого века в мировом научном сообществе не оспаривается. Споры начинаются при интерпретации самого факта «разросшегося» государства. Одни считают, что это плохо, другие — хорошо, третьи же – к ним я причисляю и себя – призывают относиться к систематической государственной активности как к некоей объективной закономерности, имея в виду, что здесь так же закономерны свои приливы и отливы.

Мне кажется, что непропорционально большое влияние радикального либерализма в «обслуживании» конкретной экономической политики в современной России связано в первую очередь с устаревшим и потому явно неадекватным пониманием современного основного потока в экономической теории. Судя по всему, фаза упрощенного неоллиберализма либо завершена, либо близка к исчерпанию. Новейшие

теоретические изыскания макроэкономического характера и на Западе, и на Востоке прямо признают наличие некоего особого общественного интереса, который далеко не всегда сводится к интересам частных хозяйствующих субъектов.

В связи с этим новую интерпретацию получает участие государства в современной экономике. Оно уже не вмешивается в экономическую жизнь социума, а действует в нем в качестве равноправного рыночного игрока, стремясь реализовать

этот особый общественный интерес. А раз государство становится рыночным игроком, его деятельность должна подчиняться правилам рационального поведения. Иначе говоря, в каждый данный момент времени максимизация того или иного общественного интереса достигается при строго ограниченных ресурсах. Отсюда вытекает новый более широкий взгляд на формирование рыночного равновесия, предполагающий включение в число самостоятельных субъектов рынка государ-

ства, стремящегося максимизировать собственную функцию социальной полезности. Все это составляет некую целостную концепцию экономической социодинамики (КЭС).

Мы не знаем, какая концепция определит содержание нового основного русла в экономической теории, но мы точно знаем, что привычный антиэтатизм выходит из моды и государство возвращается. При этом государственная активность уже не руководствуется исключительно антикризисными соображениями, а прочно встраивается в экономику в качестве незаменимого субъекта ее модернизации. Очевидные экономические успехи азиатских стран, где государство систематически участвует в экономике, а в структуре инвестиционного процесса преобладают бюджетные средства, резко обесценивают огульную критику так называемого государственного капитализма. Выясняется, что он может быть исключительно продуктивным, если капитал встроен в планы развития и государственно-частное партнерство нацелено не на огосударствление частного бизнеса, а на его максимальную поддержку вообще и стимулирование участия в общенациональных приоритетных проектах в частности.

Укажу лишь на некоторые общие черты государственного капитализма в, так сказать, положительной коннотации. Прежде всего, замечу, что в структуре экономик рассматриваемых стран наблюдается повышенная по сравнению со среднемировым уровнем доля накопления и промышленности в ВВП. Не менее важная черта — выборочное заимствование зарубежного опыта, дозированная открытость, установка на сочетание своего и чужого. Иностранные капиталовложения при этом желанны, но абсолютный приоритет — прямые инвестиции в реальный сектор экономики, так как они не склонны покидать страну размещения при неблагоприятных колебаниях конъюнктуры (в отличие от краткосрочного капитала спекулятивного характера). Поэтому в странах «хорошего» государственного капитализма и недостаточно зрелых рыночных экономик преимущество отдается поощрению кредитования реальной экономики, а не экспансии финансовых рынков.

Все это неудивительно. Удивительно другое. Почти везде идеология рыночного фундаментализма, правившая бал в мире в последние 40 лет в качестве универсального «руководства к действию», сдала или сдает свои позиции. Но именно применительно к России можно утверждать — без особого риска преувеличения, что «рыночный фундаментализм умер, но дело его живет».

Вот и нам пора взрослеть и задуматься о целеполагании того, что мы делаем с точки зрения экономических перспектив. Речь не идет о восстановлении директивного планирования. Оно, как выяснилось опытным путем, просто противо-

не обойтись. Но если нет общенациональных целевых ориентиров, нет и потребности в формировании соответствующих механизмов согласования разных политик.

Важно также отметить еще одно существенное обстоятельство, связанное с нашей специфической политической системой. Фактическая несменяемость состава руководящих лиц, ответственных за экономическую стратегию, придает определенную устойчивость экономике, но, как правило, вредит ее развитию. А вот сменяемость власти — реальный инструмент совершенствования экономической политики. Не обязательно новые политики будут принципиально

« ГОСУДАРСТВО УЖЕ НЕ ВМЕШИВАЕТСЯ В ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ СОЦИУМА, А ДЕЙСТВУЕТ В НЕМ В КАЧЕСТВЕ РАВНОПРАВНОГО РЫНОЧНОГО ИГРОКА

речит человеческой природе. Но ни одна страна мира не добивалась благоденствия, если она не планировала желаемой цели и путей ее достижения.

Сегодняшняя Россия остро, на мой взгляд, нуждается в индикативном планировании, где планы — не приказы, а побудительные мотивы к реализации желаемых целей. Надо создавать такую структуру экономики, которая была бы застрахована от любых турбулентностей на рынке нефти. И это — комплексная задача, объединяющая разные политики — структурную, технологическую, финансовую, региональную, демографическую. Здесь все настолько взаимосвязано, что без тесной координации действий разных ведомств

лучше. Но они видят реальность по-другому и по-другому представляют себе интересы общества, которые и призваны реализовывать.

И наконец, самое последнее. Как бы ни относиться к качеству сегодняшней российской экономической политики, как бы ни критиковать действия власти за те или иные реальные или мнимые промахи, надо признать, что экономика в стране, во-первых, рыночная, и, во-вторых, она не просто рыночная, а открывающая рыночная. Именно поэтому Россия при всех своих, надеюсь, временных, изоляционистских иллюзиях остается органичной частью мировой экономики, состояние и динамика которой оказывают на страну мощное прямое влияние. ❖

Российская экономика на перепутье: как перейти от стагфляции к инновационному развитию

Виктор **Гришин**,

ректор ФГБОУ ВПО «Российский экономический университет»
им. Г.В. Плеханова

Инструментом перевода экономики России на рельсы инновационного развития должно стать индикативное планирование, опирающееся на глубокие институциональные реформы и изменение денежно-кредитной политики государства.

На протяжении длительного времени в экономических исследованиях преобладала концепция трех стадий развития экономики: доиндустриальной, индустриальной и постиндустриальной. Постиндустриальная экономика рассматривалась как экономика, основной которой является сфера услуг, а ведущим сегментом — производство знаний. Предполагалось, что в новой, постиндустриальной экономике материальное производство будет все больше и больше автоматизироваться и кастомизироваться. Эта гипотеза, на первый взгляд, находила подтверждение на практике. Доля сферы услуг в экономике США и других развитых стран постоянно увеличивалась. Однако в настоящее время очевидно, что это явление было вызвано, в частности, глобализацией экономики, перемещением материального производства в другие, так называемые периферийные, страны. Иными словами, рост экономики и изменение структуры производства развитых стран являлись следствием расширения рынков и все более углубляющегося международного разделения труда.

Такая ситуация устраивала всех партнеров по кооперации, поскольку позволяла развитым странам перераспределять в свою пользу львиную долю добавленной стоимости, а развивающимся — создавать собственную индустриальную базу производства. Однако ситуация меняется. Дальнейшее

расширение рынка наталкивается на естественные преграды, как географические, так и экономические — низкий платежеспособный спрос. Ведущие страны начинают осознавать свою зависимость от бывших сателлитов, как социально-экономическую (давление низких заработных плат на рынок труда), так и политическую (угроза потери возможности самообеспечения). Одновременно растет уровень оплаты труда в развивающихся странах, что уменьшает их конкурентные преимущества.

Реиндустриализация — своего рода общемировой тренд, ставший особенно актуальным после глобального кризиса 2008 г., который продемонстрировал ошибочность курса на деиндустриализацию и указал на принципиальную важность наличия в экономике любого суверенного государства крупного и высокоразвитого индустриального сектора. Не случайно Германия, в наибольшей мере сохранившая и нарастившая свой промышленный потенциал, оказалась в числе европейских стран, прошедших глобальный кризис с наименьшими финансово-экономическими и социально-политическими потерями.

В России ситуация несколько иная. В отличие от западных стран, мы не выносили материальное производство (обрабатывающую промышленность) в другие страны. Мы просто его теряли, превращаясь постепенно в сырьевую державу, ориентированную на производство и экспорт топливно-энергетических ресурсов. Это особенно обидно, учитывая то, каким огромным научно-техническим потенциалом обладала Россия. Нужен был кризис, чтобы мы в полной мере осознали все остроту проблемы. Поняли, что вместе с обрабатывающей промышленностью страна теряет экономический суверенитет.

Таким образом, отечественной экономике необходима реиндустриализация, целью которой является восстановление ее промышленного потенциала на новой технологической основе.

Задача модернизации экономики не может быть решена на основе отдельных, не увязанных в единую систему программ. Как показывает практика, программный подход к планированию приводит, с одной стороны, к множественным диспропорциям, а с другой — к дублированию целей и задач различных программ. Необходим комплексный подход к планированию, основанный на адекватной системе сбора и обработки информации, включая натуральные показатели. Наряду с разработкой стратегии развития народного хозяйства, основанной на четком понимании текущего состояния дел, имеющихся заделах, вызовах и проблемах, необходимо разработать (воссоздать) систему государственного планирования.

Основная функция индикативного планирования — координация деятельности хозяйствующих субъектов разного уровня, повышающая сбалансированность экономики и ведущая к снижению неопределенности ее будущего. Формирование основных пропорций государством создает прочную основу для деятельности всех остальных субъектов хозяйственной жизни, включая крупные корпорации, средний и мелкий бизнес, а также домохозяйства.

Таким образом, инструментом перевода экономики России на рельсы инновационного развития должно стать индикативное планирование, опирающееся на глубокие институциональные реформы и изменение денежно-кредитной политики государства. ➤

Трансформация человечества: ключевые зоны неопределенности

Михаил **Делягин**,

директор Института проблем глобализации

Смена индустриальных технологий информационными меняет социальные отношения на всех уровнях. Остановимся на проблемах и последствиях распада глобальных рынков, срыва мировой экономики в депрессию.

Не только мировая экономика, но и все современное человечество находится в состоянии глубочайшего кризиса: перехода в некое качественно новое состояние.

Самый очевидный, самый наглядный (но отнюдь не единственный и вовсе не обязательно главный) фактор, преобразующий нашу жизнь, — смена технологического базиса.

В результате меняются даже те параметры общества и действующей в нем личности, которые многие исследователи привыкли считать объективно обусловленными константами.

Меняется не только характер действия и соотношение значимости различных факторов — меняются сами факторы (на всех уровнях, от семьи до надгосударственной конкуренции), во многом трансформируется и облик человечества.

В настоящее время среди обдумывающих тему глобального кризиса практически сложился консенсус по поводу того, что экономический кризис вызван загниванием глобальных монополий. Оно проявляется и в долговом кризисе, и в инфантилизме государственного и официального корпоративного управления, и в надувании разнообразных спекулятивных пузырей.

Сходятся аналитики и в том, что загнивание глобальных монополий, сделав главной ценностью спрос как таковой, приведет к дальнейшему росту протекционизма — вплоть до разделения мира на макрорегионы, то есть валютные и таможенные зоны, которые вступят друг с другом в не-

примиримую и хаотическую конкуренцию.

Однако ряд принципиальных вопросов еще остается без ответа.

Прежде всего, каков наиболее вероятный сценарий срыва человечества в депрессию и распада единых глобальных рынков на макрорегионы? Предполагается, что толчком для этого станет замедление развития Китая (а возможно, и его частичная деиндустриализация в случае бурного развития 3D-печати). Однако понимание непосредственной причины этого качественного перехода и его протекания пока отсутствует.

Неясно и то, каковы будут масштабы и глубина распада глобальных рынков. Понятно, что рынки мобильной связи и интернет-услуг, скорее всего, останутся глобальными, как и криминальные рынки, включая рынки нелегальных финансовых услуг, часть из которых, подобно криптовалютам, будут обслуживать нужды глобального управляющего класса.

Вполне понятным представляется и уже фактическое разделение мира на зоны доллара, юаня и евро (ведущиеся с 2006 г. разговоры о необходимости создания «зоны рубля», к сожалению, до сих пор остаются не более чем бесплодной болтовней). Однако, как будут разделяться остальные рынки и будут ли существовать серьезные барьеры для движения рабочей силы, капиталов и даже товаров внутри тех же самых валютных зон, пока совершенно не ясно.

Нельзя исключить и того, что ликвидация в результате глобальной экономической катастрофы финансовой спекулятивной надстройки (по крайней мере, в ее нынешнем, абсурдно раздутым виде) приведет к восстановлению в той или иной форме золотого стандарта.

Крайне важным представляется и вопрос о географическом распределении, локализации глобального ущерба от срыва в депрессию.

Теоретически в наибольшей степени должно пострадать население развитых стран: чем выше комфорт, тем болезненней переход в барак, да и разрыв между доходами и потреблением, пока компенсируемый наращиванием разнообразных долгов, у них максимален.

Однако в практической конкуренции эффективность и развитость проявляются прежде всего в умении переложить свои проблемы на чужие плечи, заставить расплачиваться за свои грехи (начиная с переядания) более слабые общества.

Мы уже полтора десятилетия наблюдаем, как благодаря филигранному управленческому мастерству и незамутненному стратегическому видению развитые страны (в первую очередь, разумеется, США) успешно избегают кажущегося неизбежным срыва в глобальную депрессию за счет дестабилизации и погружения в кровавый хаос все новых и новых, еще недавно вполне благополучных стран и даже целых регионов.

Весьма вероятно, что и в условиях срыва в глобальную депрессию (которого можно избегать долго, но отнюдь не бесконечно) развитые общества сумеют вновь, как это не раз бывало в прошлые кризисы, переложить значительную часть своих потерь на остальной мир. В этом случае их некоторое обеднение будет сопровождаться не просто погружением в нищету, но и разрушением значительной части неразвитых экономик, их погружением в хаос и дегуманизацией.

Разумеется, перечень открытых, не имеющих очевидного решения вопросов, встающих перед человечеством в момент его качественного изменения, перехода в некое новое состояние, значительно шире.

Тем не менее даже тщательное осмысление довольно узкого круга поднятых проблем способствует качественному повышению степени определенности нашего развития. ❖

Кризис миропорядка: поиски выхода

Александр **Дынкин,**

член Президиума ВЭО России, директор Института мировой экономики и международных отношений РАН, академик РАН

Во втором десятилетии нынешнего века мир вступил в очевидный кризис миропорядка. Многие тренды, которые сложились в конце XX века, сегодня подвергаются тяжелым испытаниям. Последние 20 лет мы считали, что экономический рост выше 10% в год, как в Китае, это нормально. Но страна завершила этап первоначальной модернизации. Сегодня нужны другие драйверы роста, ориентация на внутреннее потребление, а не только на экспорт, существенные инвестиции в защиту окружающей среды. Но одновременно с внутренним спросом растет стоимость рабочей силы, и Китай уже не так привлекателен для иностранных инвесторов. Одновременно произошла так называемая сланцевая революция, которая привела к тому, что США вышли на первое место в мире по добыче газа и нефти. И это тоже «новая нормальность», потому что США всегда были страной, зависимой от импорта углеводородов. Мы видим кризис НАТО, которое после холодной войны так и не определило для себя новых задач. И все это произошло почти одновременно. Идет перелом трендов. Мир ищет «новую нормальность».

ИМЭМО выдвинул концепцию полицентричного мира с динамичной сменой иерархий — для описания современного миропорядка. То, что в Вашингтоне в свое время восприняли развал СССР как свою победу в холодной войне, привело к драматическим последствиям. К России стали относиться как к державе третьего или даже четвертого уровня. В силу этого был предпринят ряд, на мой взгляд, ошибочных политических выводов и шагов.

Скажем, в начале нулевых годов была популярна концепция «Большого Ближнего Востока», с которой носилась Кондолиза Райс. Считалось, что если свергнуть пару режимов и подтолкнуть какие-то преобразования в арабских странах, то это пространство может стать сплошной территорией прав человека и свободы. В 2003 году эта концепция привела к интервенции в Ираке. Тогда у европейцев — Жака Ширака во Франции и Герхарда Шрёдера в Германии — хватило стратегического чутья не участвовать в этой аванюре. Чем она закончилась, мы с вами знаем: теперь вместо прекрасного «Большого Ближнего Востока» у нас большое Исламское государство. И это стало возможным, в частности, потому, что все решения принимались без каких-либо консультаций с Россией.

В конце концов «арабская весна» привела к драматическим последствиям в Ливии, Сирии, Йемене. Хорошо, что армия взяла в свои руки ситуацию в Египте.

Все это время мы были на периферии мировой политики. Мы занимались в основном постсоветскими странами, причем без продуманной стратегии, проводя реактивную политику. Мы по старинке относились к ним как к своим иждивенцам.

Конечно, наша политика на Украине могла бы быть более гибкой. Мы могли бы раньше понять, к чему идет дело, когда Янукович начал чаще бывать на Западе, чем в Москве. Только когда ситуация перешла в эндшпиль, Путин послал Улюкаева в Брюссель с предложением провести трехсторонние переговоры, чтобы решить беспокоившие нас вопросы, связанные, в частности, с таможенными сборами, техническими стандартами, при подписании Украиной соглашения об ассоциации с ЕС. По опыту могу сказать, что на их решение хватило

бы трех недель плотных переговоров. Но Баррозу сказал: «Поздно. Через месяц у нас подписание соглашения об ассоциации», и все пошло по очень тяжелому, драматичному сценарию.

Конечно, это был и просчет Евросоюза, который, очевидно, видел только геостратегическую борьбу за территорию. Но если бы мы начали вплотную заниматься Украиной, скажем, году в 2005-м... Мы пропустили тот момент, когда учебники истории в украинских школах сменили на ультранационалистические, и на этих учебниках выросло целое поколение. А Запад не оценил того, что Россия возстала, что это совершенно другая страна, чем та, что была в середине 1990-х годов.

« СЕГОДНЯ ЭКОНОМИКЕ УГРОЖАЕТ НЕ ГИПЕРИНФЛЯЦИЯ, А ДЕФЛЯЦИЯ

Это ощущение победы в холодной войне привело к цепи ошибок, с результатами которых мы, на мой взгляд, и имеем дело сегодня.

Что касается выведения на экспертном, научном уровне неких универсальных алгоритмов, закономерностей экономического и политического развития вроде тех, на которые мы привыкли ориентироваться в XX веке, то социальные науки тем и отличаются от точных, что здесь очень много факторов, которые никакой алгоритм не учитывают: человеческие ожидания, ощущения, фобии, опасения, инстинкт толпы. Есть различные экономические концепции, но и они не универсальны и годятся далеко не для всех регионов и стран. К примеру, «Капитал» Маркса, в свое время изданный в Германии тиражом в тысячу экземпляров, разошелся за три года, а пятитысячный тираж его русского перевода раскупили за год.

Конечно, после успешного послевоенного восстановления Европы были популярны так называемые кейнсианские модели экономики.

Потом возникла угроза гиперинфляции и доминирующей стала концепция Милтона Фридмана, согласно которой надо иметь сбалансированный бюджет и ориентироваться не на стимулирование роста, а на конкурентные силы. Конкуренция считалась основным драйвером роста, и это работало.

Но сегодня экономике угрожает не гиперинфляция, а дефляция, поэтому школа Милтона Фридмана неизбежно будет заменена каким-то новым экономическим постулатом. Его еще нет. И это тоже пример поиска «новой нормальности».

Упрек критиков, адресованный нынешнему правительству, в том, что оно чрезмерно доверяет этим алгоритмам без учета реальной ситуации, — это стандартный упрек

аутсайдеров, которые имеют мало отношения к реальности. Я работал помощником по экономике в правительстве Примакова. Вы знаете, как нас критиковали в газетах? А ведь это правительство было по-настоящему либеральным — оно первым в новой России сбалансировало бюджет.

Есть люди, которые сами себя называют государственниками, они очень любят госрегулирование и очень хотят порулить бюджетными потоками. У меня много профессиональных претензий к правительству, но, поверьте, вся его критика в СМИ во многом вытекает именно из посылки: «Дайте порулить».

Недавно я был на заседании совета директоров очень сильной машиностроительной компании, и мне показали, как они зарегулированы правительственными нормативами: у них только по инновациям 51 показатель. Говорят, что у нас свободный рынок, а он перерегулирован. Есть просто смешные индикаторы. Например, 40% продукции должны быть инновационными. Вот и пере-

ставляют ради этого какой-нибудь прибор с одной модели изделия на другую. Но об этом никто из дежурных критиков, которые двадцать с лишним лет рассказывают про промышленную политику, не говорит.

Чтобы быть на равных с сильными игроками, существующими сейчас на мировом политическом поле, начать реально влиять не только на внешнеполитические, но и на экономические процессы в мире, нужно заниматься экономикой, экономическим ростом. Конечно, это легко сказать, сидя в академическом институте, чем сделать, будучи в правительстве. Но я бы убрал очень много лишних инструментов контроля за крупным, малым и средним бизнесом. И ввел бы понятное налоговое стимулирование инвестиций и вложений в НИОКР. Не через РОСНАНО, а чтобы все этим занимались. А то мы ввели налоговую льготу на инвестиции в НИОКР,

тическом поле. Россия — большая и уверенная в себе страна. Просто мы слишком долго были жертвами того, что по-английски называется windfall profits — непредвиденной прибылью от углеводородов. Теперь придется покрутиться.

Если говорить об отраслях, за счет которых мы сможем вернуть себе статус и влияние в мире, думаю, есть шанс у сельского хозяйства, у айтишников, потому что IT-компании у нас мирового класса, успешно работают наши нефтяные компании, Российское атомное машиностроение практически номер один в мире. Мы являемся четвертым в мире производителем вертолетов. А сфера услуг: и мобильная связь, и крупные банки — вполне мирового класса. На очереди модернизация здравоохранения и образования. Конечно, мы очень много потеряли. И по-прежнему не умеем делать автомобили. Ничего, научимся.

менный век кончился не потому, что кончились камни. И нефтяной век кончится не потому, что кончится нефть».

Мир делает определенный шаг назад от общих ценностей к балансу интересов. Возможно, мы возвращаемся к временам Венского конгресса, который завершил процесс Наполеоновских войн, — там был некий европейский концерт наций, когда их лидеры договаривались о пределах своего влияния.

По-видимому, политический и идеологический плюрализм будет новой нормой современного капитализма. Нельзя утверждать, что он обязательно будет демократическим. Капитализм сегодня может быть разным. Ну и, конечно, роль новых транснациональных идеологий, таких как политический ислам, тоже будет формировать современный миропорядок. Он будет полицентричным, но с быстро меняющейся иерархией стран. Посмотрите, за 13 лет Россия поднялась с 9-го места в мире на 6-е, Китай сохранил 2-е место, но совершили очевидный скачок Индия и Бразилия. Конечно, США сохранили 1-е место в мире. Но чего они лишились, на мой взгляд, так это того, чем они обладали в конце XX века, — некоего морального авторитета. А вот у ЕС движения разнонаправленные: если он найдет новую, устойчивую модель интеграции, то возможен экономический рост; если же этого не произойдет и будут какие-то шаги в сторону его стагнации, роль ЕС в мире, конечно, снизится.

То же самое можно сказать и о нас. У России есть очевидный прогресс, но в последние годы мы столкнулись с необходимостью поиска новой модели экономического роста. Эта модель должна быть связана со структурными и институциональными изменениями, качеством трудовых ресурсов, инновациями, новыми технологиями. И если мы найдем такую модель, то сможем развиваться дальше. Все другие, ресурсные компоненты у нас есть. Хотя нас и подпирают такие страны, как Индия и Бразилия, которые тоже претендуют на свою роль в формировании нового миропорядка.

Одно можно сказать определенно: старый мировой порядок сломан и путь к новому мироустройству будет очень непростым. <

« НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ДОЛЖНА БЫТЬ СВЯЗАНА СО СТРУКТУРНЫМИ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫМИ ИЗМЕНЕНИЯМИ, КАЧЕСТВОМ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ, ИННОВАЦИЯМИ, НОВЫМИ ТЕХНОЛОГИЯМИ

а бизнесмены ею не пользуются. Говорят: «чтобы доказать налоговой инспекции, что эти затраты были направлены на НИОКР, надо держать штат из пяти-шести высокооплачиваемых юристов».

Важным считаю большую финансовую самостоятельность, под ответственность губернаторов. Посмотрите на Калужскую область.

Мы уже давно разговариваем на равных с другими игроками, существующими на мировом поли-

Многие эксперты давно прогнозируют исчерпание запасов нефти. Так называемый oil peak. Его не будет. Может кончиться дешевая нефть. Но дорогой нефти на планете хватит очень надолго. Проблема в другом. По самым предварительным оценкам нашего института, где-то на пороге 2035–2040-х гг. возможно падение спроса на углеводороды. И это серьезный вызов. Министр нефти Саудовской Аравии сказал замечательную фразу: «Ка-

Об экономическом росте в условиях валютной нестабильности и денежных ограничений

Михаил **Ершов,**

главный директор по финансовым исследованиям Института энергетики и финансов

С введением режима свободного плавания рубль резко обесценился, продолжив свое снижение, которое началось еще раньше — вследствие падения цен на нефть.

При этом удешевление рубля было более масштабным, чем у валют других стран-нефтеэкспортеров. Это, в свою очередь, вызвало повышение неопределенности и привело к росту волатильности на российском валютном рынке.

Действительно, ситуация на валютном рынке в последние месяцы несколько стабилизировалась и может восприниматься как некая «объективная данность», своего рода новое равновесное состояние. В то же время объективен ли этот уровень и с какими последствиями для экономики (в т.ч. системного и стратегического характера) может быть сопряжено его сохранение в нынешнем диапазоне?

Сторонники опоры на экспорт и внешнюю сферу, как главный источник роста заинтересованы в обесценивающейся валюте. Также в обесценивании рубля заинтересован и бюджет. В наших условиях, однако, недооценка рубля сама по себе фактически не приводит к увеличению экспортной валютной выручки. Возможности увеличения физического объема экспорта для стимулирования внешнего спроса ограничены пропускными способностями наших трубопроводов и портов. Маневрировать ценами на сырьевые товары для стимулирования спроса трудно из-за их низкой ценовой эластичности, а снижение цен на готовые изделия может натолкнуться (и наталкивается) на жесткие антидемпинговые ограничения в других странах.

В результате недооценки национальной валюты происходит лишь рост рублевых доходов экспортеров после продажи валютной выручки (но этого можно достичь и используя су-

губо внутренние рычаги экономической политики по поддержке экспортеров). В то же время эффективность привлечения валютных кредитов снижается, а сами акции российских предприятий-экспортеров становятся из-за курсовой динамики относительно дешевле для иностранных инвесторов. Под обеспечение кредитов в итоге требуется залог большего количества акций, т.е. возникает проблема т.н. *margincalls*.

Кроме того, более дешевый рубль снижает валютную стоимость внутренних российских активов; также снижается эффективность привлечения внешних кредитов. Одновременно повышается «эффективность» вхождения нерезидентов в российскую экономику и их вхождения в российскую денежную систему в целом.

По сути, речь идет о двойном эффекте недооценки. С одной стороны,

« В РЕЗУЛЬТАТЕ НЕДООЦЕНКИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ВАЛЮТЫ ПРОИСХОДИТ ЛИШЬ РОСТ РУБЛЕВЫХ ДОХОДОВ ЭКСПОРТЕРОВ

В целом более дорогой рубль повышает эффективность привлечения иностранных инвестиций.

Кроме того, при «дешевом» рубле и экспортеры и бюджет будут сталкиваться с удорожанием внешних долгов, импортных компонентов и др. Для экономики в целом будет также отмечаться рост инфляции и, что еще более важно, уменьшение доходов населения и сжатие внутреннего спроса — важнейшего драйвера экономического роста.

Когда нам попытаются доказать, что при слабом рубле нам же лучше, — это вызывает по меньшей мере недоумение, поскольку и равносильно утверждению, что та зарплата, которую мы получаем, и те рубли, которые лежат у нас на вкладах или в кошельке, чем они легковеснее и дешевле и чем на них меньше можно купить, тем нам же выгоднее. Вся нелогичность этой фразы очевидна.

фундаментально недооценены сами активы (акции и др.). С другой — недооценен и валютный курс, при котором суммарная оценка полученных иностранными инвесторами российских финансовых активов еще больше возрастает.

В то же время если в качестве основных источников роста рассматриваются внутренние факторы, внутренний платежеспособный спрос, то тогда очевидно речь должна идти о превращении рубля в полноценную национальную валюту — для сбережений и инвестиций, о формировании более устойчивого курса.

Мы формируем рублевую, а не долларовую экономику, и чем устойчивее и дороже будут рублевые активы у населения и бизнеса, тем богаче они будут и тем охотнее они будут работать с рублиями. ⇄

Экономическая ситуация в России в 2015 году: некоторые оценки

Виктор **Ивантер**,

член Президиума ВЭО России, директор Института
народнохозяйственного прогнозирования РАН, академик РАН

В условиях, когда санкции, введенные в отношении России, не помешали, а только помогли нам, девальвация рубля идет на пользу отечественным товаропроизводителям, а падение цен на нефть не столь критично, почему же вместо экономического роста мы имеем экономический спад...

Вокруг нынешних событий в российской экономике мы видим много эмоций. Но, оглядевшись по сторонам, мы увидим, что особой катастрофы в России нет. Есть ли при этом проблемы? Да, и это очевидно. В этом году в России будет куплено легковых автомобилей на 30–40% меньше, чем в прошлом году. Это значит, что часть россиян, которые привыкли менять автомобиль раз в три года, будут менять их раз в пять лет. Это, конечно, драма для этих людей, но точно не катастрофа.

Рассказывалось, что, как только будут введены антисанкции, российские магазины опустеют. Я не так часто бываю в магазинах, но когда захожу, то вижу, что там ничего не поменялось. Лишь одно обратило на себя внимание: резко сократился ассортимент сыра в дорогих магазинах. Если раньше там имелось 200–250 сортов сыра, то сейчас лишь

25–30. И появились французские сорта российского производства.

С одной стороны, предсказатели-катастрофисты посрамлены. С другой — нужно понимать, что в этом году снижение ВВП в России составит, видимо, порядка 3%.

Конечно, это интегральный показатель. Поэтому интересно понять, а какова структура спада. Пока наибольший вклад в спад вносит уменьшение оборота розничной торговли. При этом нужно учитывать, что это в значительной степени торговля импортными товарами. Также значительно уменьшился импорт инвестиционных товаров — машин, оборудования и т. п. Это означает, что наибольший удар пришелся на импорт товаров производственного и непромышленного назначения.

В то же время видны и определенные позитивные тенденции, например, в агропромышленном комплексе. Целый ряд производств оказался готов к существенному увеличению выпуска. Нашему сельскому хозяйству помогли два фактора — девальвация национальной валюты и антисанкции.

Очень характерно, что в рамках XIX Петербургского экономического форума прошла встреча президента страны с руководителями российской промышленности. Самое главное требование участников к экономической политике было «не допустить падения доллара». Это были представители секторов, которые довольно серьезно выиграли от девальвации.

В то же время девальвация нанесла серьезный удар по инвестициям, поскольку значительная часть оборудования в рамках новых инвестиционных проектов импортируется. При этом, как показывают исследования, основной импорт оборудования в Россию сейчас идет не из Европы или Америки, а из Китая. Но девальвация сказалась и на нем.

Еще одна проблема связана с оборонной промышленностью. Причем она гораздо больше пострадала не из-за санкций, а из-за разрыва отношений с Украиной. Раньше 100% двигателей для наших вертолетов производил завод «Мотор Сич» в Запорожье. Совсем недавно в России был запущен завод, который начал производить российские вертолетные двигатели. Но пока только 50 штук в год вместо 300 необходимых.

Кроме того, наблюдается спад в строительстве. Хочу напомнить, что один из основных способов кредитования оборотного капитала строительных организаций — это «долевое участие» покупателей, а по факту — предварительная оплата непостроенного жилья. Иными словами, строительство получало оборотные средства из денег населения. Даже до кризисных явлений переход на банковские кредиты под оборотный капитал означал бы для строительства сильное удорожание. Теперь же, учитывая, что ключевая ставка ЦБ РФ носит запредельный характер, строители просто физически не могут перейти на банковское кредитование. Поэтому жилищное строительство должно найти другую модель развития. На это необходимо время.

Что касается санкций со стороны США и ЕС в отношении России, то никакого значительного влияния

было, а цены на нефть превышали 120 долл за баррель. А ВВП вырос меньше чем на 2%, причем львиную долю этого прироста обеспечил финансовый сектор, где увеличение за 2013 г. составило 13%. Я люблю финансовый сектор, только его услуги на хлеб не намажешь, и потому рост экономики за счет расширения финансового сектора можно считать ростом только с большой натяжкой.

А вот антисанкции со стороны России способствовали спаду, поскольку по факту они уменьшили объем розничной торговли.

Еще много говорят о том, что в рамках санкций нам перестали поставлять передовые технологии. Позвольте, а нам раньше разве позволяли эти технологии закупать? Кто-нибудь знает хоть одну передовую технологию, которую мы смогли купить на Западе? Вот мы несколько лет назад пытались ку-

« В СТРАНЕ ПРОВОДИТСЯ НЕАДЕКВАТНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА

на ситуацию они не оказывают. Конечно, в целом санкции — это безобразие, это нарушение правил игры. Но к экономическому спаду России это не имеет особого отношения. Приведу аргумент. Многим ведущим российским банкам и компаниям был закрыт доступ к долгосрочному кредитованию на Западе. Однако в качестве расплаты по западным кредитам с начала года нами было отдано порядка 140 млрд долларов. При этом валютные резервы страны не сократились. Иными словами, погашение кредитов было осуществлено за счет текущей выручки. И это с учетом того, что цены на нефть упали в два с лишним раза. Никакие крупные банки и госкомпании не обанкротились. Сложный период пройден довольно спокойно.

Другой аргумент.

Резкое снижение темпов роста в нашей экономике началось в 2013 г. Никаких санкций тогда не

пить «Опель» — довольно среднюю по технологическим возможностям автомобильную компанию. Нам даже ее не дали купить, причем особо не скрывали, что отказывают умышленно. Но это было вовсе не русофобство, это просто коммерция: никто не продает конкурентам свои передовые технологии.

По этому поводу профессор Комков резонно заметил, что рынок высоких технологий — это особый рынок, похожий на закрытый клуб. Чтобы выйти на него, надо иметь собственные высокие технологии. Действительно, на рынке вооружений, в атомной промышленности и в космосе Россию все рассматривают как полноправного участника рынка, никто нас не дискриминирует и санкций не объявляет. Но в остальных отраслях возможность купить передовые технологии для нас практически исключена. Так же как и для Китая, и прочих стран.

Также надо вспомнить, что наличие санкций стимулирует импортозамещение. Целый ряд секторов российской экономики уже начал в этом направлении работать. Предприятия из этих секторов закликают не отменять санкции и антисанкции, во всяком случае, быстро, и не стимулировать рост курса отечественной валюты.

Может возникнуть вопрос по поводу всего вышесказанного: если все так хорошо, то почему так плохо идут дела в экономике? Если санкции нам не помешали, а только помогли, если девальвация рубля идет на пользу отечественным товаропроизводителям, а падение цен на нефть не очень критично для нас, то должно быть объяснение, почему в этом году вместо экономического роста мы имеем экономический спад? Отвечу на эти вопросы так: в стране проводится неадекватная экономическая и финансовая политика.

Не то чтобы эта политика плоха сама по себе. Политика плавающего курса, попытка снизить инфляцию за счет монетарных ограничений — все это вполне может работать в определенных условиях. Но не в современной России с ее структурными проблемами и низким уровнем доверия в экономике.

Проблема в том, что наши денежные власти, продекларировав политику ограничения инфляции, фактически ее подстегнули. Они перепутали пловца с утопленником. Рубль не начал плавать — его просто утопили. Ведя свою жесткую монетарную политику, наши финансовые власти ставят очень интересный с точки зрения исследователя эксперимент — может ли денежная экономика развиваться, если ей денег не давать? В общем, они делают все, чтобы российская экономика упала не на 3, а на 15%! И мы не упали так глубоко только потому, что у нас в стране есть так называемое ручное управление. А именно, если президент в рамках ручного управления говорит дать денег — то дают. Подобное ручное управление есть на всех уровнях: федеральном, региональном, муниципальном.

Кроме того, бизнес и население сопротивляются и все время что-то придумывают, чтобы компенсировать урон от такой политики. Никто же не хочет умирать. Иными словами, реальная экономика сопротивляется неадекватной экономической

политике. Это сопротивление позволяет нам не проваливаться слишком глубоко.

Именно ручное управление помогло справиться с валютной паникой в декабре 2014 г. В тот момент руководство Банка России не справилось с созданной им же самой ситуацией. Оно полностью потеряло контроль над событиями. Описывая то, что происходило с рублем в те дни, нельзя применять интеллигентное слово «девальвация». Рубль просто рухнул.

Что произошло после этого? Руководство страны вынуждено было непосредственно вмешаться в ситуацию. В частности, известно, что высшее руководство лично договаривалось с компаниями-экспортерами о срочной продаже последними валютной выручки на внутреннем валютном рынке. Также произошли не совсем косметические изменения в руководстве ЦБ РФ. Номинально все остались на своих местах. Но г-жа Юдаева, которая управляла валютным рынком и кредитами реальному сектору, осталась в банке аналитиком, формально сохранив должность первого заместителя. Теперь денежной политикой в ЦБ РФ занимается г-н Тулин, профессиональный центральный банкир, который не делает ничего экзотического и ведет себя адекватно. Он тоже внес свой вклад в определенную (хотя пока и совершенно недостаточную) нормализацию ситуации в денежной сфере.

Однако возврат к вменяемой финансовой и монетарной политике — это необходимое, но недостаточное условие. Есть и другие проблемы. В принципе, все, даже вменяемая часть высших финансовых чиновников, понимают, что реальный сектор должен получить деньги на развитие. Однако тот же Тулин спрашивает: я дам деньги, а кому? Какие проекты, финансируемые за счет государственных денег, будут реально эффективны? Вроде бы этим вопросом должно заниматься Министерство экономического развития. Оно должно знать о таких проектах... Но оно не знает. К тому же у министерства есть интересная теоретическая позиция, которую оно пытается осуществлять и на практике: «Все инвестиции госсектора неэффективны. А эффективны только частные инвестиции».

В принципе, эту позицию можно успешно оспаривать. В конце концов, если бы инвестиции частного сектора всегда были эффективны, то не было бы банкротств. А банкротство частной компании — это совершенно обыденная вещь в рыночной экономике.

Но даже если принять данную позицию, то все равно остается много вопросов к ней. Вы не готовы инвестировать средства бюджета, потому что не знаете, куда их вкладывать и не верите в эффективность бюджетных инвестиций? Хорошо, тогда отдайте эти деньги бизнесу, который будет инвестировать, как вы счита-

ете, эффективно. Это же логично. Для этого надо либо снизить налоги для бизнеса, либо организовать проектное финансирование с участием государства. Но ничего не делается — ни первого, ни второго.

В сегодняшних условиях я не могу даже сказать, что у нас в стране проводится дурная экономическая политика. Ее просто нет. И сейчас в ожидании находятся не только аналитики, но и бизнес. Бизнес хочет понимать: а что будет делаться в стране? Какие меры экономической политики государство собирается осуществлять?

На XIX Петербургском экономическом форуме президент страны сформулировал следующие идеи:

1. Темпы экономического роста в стране должны обеспечивать прирост ВВП порядка 3,5% в год. Иначе говоря, темпы роста не должны уступать средним для мировой экономики (правда, не было объяснено, как нам добиться таких темпов).

2. Темпы инфляции должны быть не выше 4% в год.

Правда, лично я не совсем понимаю, как можно сочетать борьбу за повышение темпов роста с борьбой за снижение темпов инфляции.

Кто-нибудь мне может объяснить: а что, если будет инфляция в 3%, то темпы роста будут еще выше? А если 6%, то ниже? И вообще, можно ли иметь близкую к нулю инфляцию в процессе серьезной реструктуризации экономики? Мы же жили при Советской власти: там вообще цены были стабильны, больше 1–2% инфляции нельзя было насчитать. И что, хорошо жили?

3. Необходимо иметь резервы для того, чтобы обеспечить политическую и социальную стабильность.

Это разумно — резервы должны быть, и не один вменяемый экономист с этим спорить не будет. Однако и тут есть вопросы. По этому поводу неплохо высказалась Оксана Дмитриева. Я редко разделяю ее взгляды, но в данном случае она верно отметила: «Хорошо иметь резервы под подушкой. Но почему их обязательно нужно хранить под чужой подушкой?»

Тут еще наш министр экономики делает разные странные заявления. Сначала он сказал, что при его жизни высокого экономического роста в России не будет. Вице-спикер Совета Федерации, кстати, с этим согласился: да, пока этот министр будет работать, роста не будет. А в недавнем интер-

вью г-н Улюкаев и вовсе заявил, что в ближайшие 50 лет Россия не станет экономической супердержавой. Ну и какие производственные и инвестиционные планы должен составлять бизнес, работающий в России, слыша такие речи?

Подведу итог. Действительно развала экономики в России нет, безработица на очень низком уровне. Социальная стабильность в стране — это бесспорный факт. Высокая поддержка президента реальна, и это не выдумки телевизора.

« ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАНЫ ФАКТИЧЕСКИ ОСТАНОВИЛОСЬ, И ЕСЛИ СОХРАНЯТЬ НЕВНЯТНУЮ МАКРОПОЛИТИКУ С РУЧНЫМ УПРАВЛЕНИЕМ, ТО МОЖНО РАССЧИТЫВАТЬ НА ТЕМПЫ ПРИРОСТА ВВП МАКСИМУМ 1–2% В ГОД

В результате у нас сложилась ситуация некоей неопределенности, и экономика находится в задумчивости. Разваливаться, конечно, никто не собирается, но, чтобы расти дальше, бизнесу нужно:

а) более-менее четко понимать, что будет делать власть в экономике, куда будет инвестировать и какие направления развивать;

б) быть уверенным, что частному бизнесу государство предоставит определенные стимулы и предъявит спрос на его продукцию.

Все остальное второстепенно.

При этом президент страны высказался в том духе, что в России необходимо сохранять суперлиберальную экономическую политику. Он говорил, что, несмотря ни на какие проблемы, никаких ограничений на вывоз капитала вводить не надо. И что мы правильно вели себя и в 2008–2009 гг., и в 2013–2014 гг. Однако полагаю, что те инструменты регулирования, которые есть в руках государства, вполне позволяют ограничивать криминальный вывоз капитала, не нарушая никаких принципов экономического либерализма. Но мы почему-то ими не пользуемся.

Но вместе с тем есть очень много тревожных сигналов. Экономическое развитие страны фактически остановилось, и если сохранять невнятную макроэкономику с ручным управлением, то можно рассчитывать на темпы прироста ВВП максимум 1–2% в год. Это приведет к прогрессирующему отставанию от новых развивающихся стран и, скорее всего, от США, которые будут развиваться чуть более высоким темпом. Но главное, что будет стагнация уровня жизни, которая не останется без последствий.

Поэтому мне кажется, что экономическая политика должна меняться. Ее основной задачей должно стать повышение темпов экономического роста в России до 5–7% в год. По крайней мере, на ближайшие несколько лет, а потом уже можно будет соглашаться и с темпами прироста ВВП по 3–5% в год. Для этого нам нужно выполнить две задачи: во-первых, простимулировать потребительский спрос, во-вторых, простимулировать инвестиции в реальный сектор. Все возможности для этого в России есть. ❖

Системная экономическая теория и проблемы стабилизации российской экономики

Георгий **Клейнер**,

член Правления ВЭО России, заместитель директора по научной работе Центрального экономико-математического института РАН, член-корреспондент РАН

Проблема преодоления кризиса и дальнейшей стабилизации российской экономики требуют пересмотра многих традиционных взглядов на соотношение между инновационными и консервационными элементами экономики. Нам целесообразно сохранить субъектный состав экономики на макро-, мезо-, микро- и наноэкономических уровнях и «достроить» субъектную структуру экономики за счет придания отраслям экономики статуса экономического субъекта.

Нестабильность является характерной чертой экономического развития России в течение последней четверти века. За это время наша экономика пережила четыре крупных кризиса, множество локальных перемен в финансово-экономической политике и многочисленные институциональные изменения. Текущий «экономико-политический» кризис 2014–2015 гг., по разным прогнозам, должен вызвать падение ВВП в 2015 г. на 3–4%. Несмотря на то что амплитуда колебаний ВВП снижается, последствия как основных кризисов, так и их афтершоков тормозят развитие экономики, нарушают эволюционный ход экономических процессов, отбрасывают назад экономику технологического прогресса, снижают уровень

устойчивости экономики и общества в целом.

Нестабильностью отличается и экономическая политика, представляющая собой порой набор разнонаправленных и сменяющих друг друга решений, каждое из которых является скорее реакцией на возникающую ситуацию, чем конкретизацией продуманной и одобренной обществом комплексной социально-экономической стратегии.

Задача разработки экономической теории, обеспечивающей выбор мероприятий по стабилизации российской экономики выступает на первый план среди задач, стоящих перед экономической наукой. В поисках решения проблемы стабилизации российской экономики в этих условиях естественно обратиться к той ветви экономической теории, в которой изначально заложены идеи межзонального (пространственного) выравнивания и межпериодной (темпоральной) преемственности экономики.

Этому требованию не отвечает неоклассическая экономическая теория, краеугольным камнем которой является концепция максимизирующего поведения агентов; не вполне соответствует институциональная экономическая теория, поскольку не раскрывает в достаточной мере вопросы межпериодной институциональной динамики, влияния поведения отдельных агентов на процесс институтогенеза; не удовлетворяет эволюционная экономическая теория, концентрирующая внимание

на динамике агентских популяций, но оставляющая на периферии исследовательского поля вопросы пространственной локализации и координации агентов и видов экономической деятельности.

По нашему мнению, в этой ситуации целесообразно обращение к ветви теории, центральным объектом изучения в которой служат экономические системы — относительно устойчивые в пространстве и во времени и относительно автономные экономические образования или явления. К числу экономических систем относятся предприятия, регионы, государства, сетевые структуры, материальная, институциональная и информационная инфраструктура экономики, инвестиционные проекты и процессы и т. п. Исследование общих закономерностей функционирования и типологических особенностей таких систем составляет содержание системной экономической теории (СЭТ). Концептуальный аппарат, выводы и рекомендации данной ветви экономической теории дают, как представляется, общее направление и конкретные указания по стабилизации развития отечественной экономики в стратегическом плане, а также по преодолению сегодняшнего кризиса российской экономики.

Системная устойчивость экономики обеспечивается в первую очередь за счет стабильности субъектного ядра экономики. Анализ системной структуры экономики позволяет сделать ряд выводов

относительно экономической политики в период кризиса, обеспечивающей устойчивую стабилизацию экономики.

1. Основой устойчивого функционирования экономики служит иерархическая структура социально-экономических субъектов — относительно обособленных, самостоятельных и ответственных перед обществом экономических

между субъектами как находящимися на одном уровне (например, хозяйствующими субъектами), так и принадлежащими к разным уровням субъектной иерархии (например, регион — предприятие, государство — физическое лицо и т. п.). Представление о межсубъектной конкуренции как единственной движущей силе экономического развития должно уступить место

ею является сбалансированность его внутренней системной структуры. Роль такой структуры для субъектов всех уровней выполняет комплекс из четырех подсистем объектного, среднего, процессного и проектного типов, отражающих, соответственно, роль организационно-управленческих, социальных, технико-экономических и предпринимательских факторов. Несбалансированность этого комплекса, диспаритет его составляющих в среднесрочной перспективе ведет к прекращению деятельности данного субъекта. Следует также обеспечить согласование интересов групп, представляющих перечисленные факторы в системной структуре субъектов и, соответственно, консолидацию действий соответствующих подсистем. Особенно важны процессы консолидации интересов основных участников производства для отечественных предприятий, где неравноправие сил участников вызывает системные деформации.

5. Анализ сбалансированности системного комплекса, образующего ближайшее окружение субъекта, может быть выполнен с использованием методики оценки интенсивности взаимодействия между подсистемами этого комплекса. Вычисление индекса сбалансированности и классификация видов несбалансированности позволяют разрабатывать меры экономической политики, направленные на преодоление несбалансированности системной структуры экономики и повышение ее устойчивости. Особенно важным представляется анализ сбалансированности внутренней базовой системной структуры и внешнего окружения для региональных субъектов. Располагаясь между макро- и микроуровнями, региональные субъекты могут выполнять стабилизирующую роль, демпфируя негативные импульсы как идущие сверху вниз, так и снизу вверх. Анализ внутренней и внешней системной сбалансированности на региональном уровне должен войти в число стандартных процедур в процессах как регионального, так и отраслевого социально-экономического мониторинга.

В данной работе затронут лишь верхний слой проблематики, связанной с переходом российской экономики на эволюционный путь. Развитие системной экономической теории позволяет не только расши-

СИСТЕМНАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ ЭКОНОМИКИ ОБЕСПЕЧИВАЕТСЯ В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ ЗА СЧЕТ СТАБИЛЬНОСТИ СУБЪЕКТНОГО ЯДРА ЭКОНОМИКИ

образований разного уровня. Экономическая политика должна быть направлена на поддержку функционирования всех экономических субъектов. В частности, необходимо обеспечить представительство интересов экономических субъектов в органах законодательной власти на всех уровнях управления. Принцип максимально возможного сохранения субъектного каркаса экономики должен лечь в основу социально-экономической политики страны в период кризиса. Для создания законченного каркаса устойчивого развития экономики необходимы меры, направленные на укрепление субъектности отраслевой структуры экономики. Это требует реструктуризации системы управления и регулирования экономики прежде всего на федеральном уровне. Принцип субъектосохранения диктует необходимость отказаться от повсеместно практикуемой «оптимизации» субъектов, ограничить или приостановить процессы сокращения персонала предприятий, затруднить процедуры банкротства и ликвидации хозяйствующих субъектов.

2. В условиях кризиса следует стремиться к созданию системы равноправных партнерских отношений

системному видению факторов устойчивого развития экономики, среди которых важную роль играют как сами отношения конкуренции и кооперации, так и их разнообразные сочетания. В условиях кризиса выживание отдельного субъекта возможно, как правило, только в условиях тесных коллаборационных связей с другими субъектами различных уровней.

3. Учет двойственного положения экономических субъектов — принадлежность каждого из них как к функциональной, так и административной структуре — приводит к целесообразности расширения прерогатив антимонопольной службы. Сейчас ее деятельность связана в основном с преодолением монополизма отдельных субъектов в функциональной (рыночной) сфере. Было бы естественно, чтобы аналогичная задача решалась бы службой и в административной среде. В этой сфере злоупотребление монопольным положением с использованием административного ресурса приводит к крайне негативным результатам, коррупции и снижению эффективности экономики в целом.

4. Предпосылкой устойчивого функционирования каждого субъек-

речь горизонты экономической науки, но и выявить пробелы в управлении экономикой. Четырехсекторная модель функционирования экономики в четырехмерном пространстве продуктов под влиянием четырехмерного управления в условиях четырех типов реорганизации состава участников указывает на необходимость организации новых видов экономического мониторинга, анализа и управления. Речь идет об особенностях менеджмента объектных, средовых, процессных и проектных систем, учитывающих их функции в экономике, а также о системном менеджменте, направленном на организацию их взаимодействия, на стимулирование и поддержку тетрадных кластеров. Необходимы постановки новых задач планирования и исследования операций, учитывающих характеристики четырех видов благ. Влияние четырех типов реорганизаций субъектов экономики на остальные компоненты схемы также относится к неисследованным вопросам. Очевидно, следует ожидать и приветствовать появление в ближайшей перспективе широкой волны новых управленческих концепций и методов, основанных на восприятии и анализе экономики в контексте СЭТ. Соответствующим образом должен измениться и состав учебно-методических комплексов, структурирующих управленческое образование в России.

Кризис — это промежуточное состояние экономики, при котором наиболее мощные и противостоящие друг другу стратегические факторы уравнивают друг друга. Посткризисная и предкризисная ситуации отличаются от кризисной тем, что в кризисном положении экономика значительно более чувствительна к внешним воздействиям, поскольку основные силы заняты противоборством друг с другом. Это требует особой выверенности от экономической политики, отказа от романтических теоретических построений и предельной осторожности.

Чем не может стать кризис?

- Кризис не может стать «санитаром леса»: выживают не наиболее эффективные, а наиболее цепкие предприятия, пренебрегающие порой интересами общества. Поскольку общество в кризис разобщено, оно не может

привести таких агентов к ответственности.

- Кризис не может стать «трамвайным контролером»: те агенты, кто хотел бы проехать без «рыночного и экономического билета», скроются в густой тени внезаконной экономики или будут укрыты эгидой мощной российской коррупции; кризис вряд ли может стать источником полезных и жизнеспособных инноваций, поскольку за такими инновациями должна стоять предварительная упорная работа, а корректное и обоснованное преодоление консервационных барьеров требует ресурсов и усилий.

Чем может стать кризис?

Кризис может стать спусковым механизмом перезагрузки цепочки «экономическая теория — экономи-

Рецептура антикризисной экономической политики:

1. Репозиционирование национальной экономики в мире.
2. Ребрендинг России.
3. Регулирование экономики на всех уровнях.
4. Реструктуризация экономики (диверсификация).
5. Реиндустриализация, восстановление промышленности как основной движущей силы экономики.
6. Реновация производственного аппарата.
7. «Ресайентизация» экономики, восстановление фундаментальной и прикладной науки, организация ее взаимодействия с производством.
8. Реконструкция системы планирования.
9. Реорганизация системы принятия решений на всех уровнях управления, направленная на повышение ответственности перед нижестоя-

«КРИЗИС МОЖЕТ СТАТЬ СПУСКОВЫМ МЕХАНИЗМОМ ПЕРЕЗАГРУЗКИ ЦЕПОЧКИ «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ — ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА — ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ПРАКТИКА»

ческая политика — хозяйственная практика». Таким образом, кризис является вызовом не только для реальной экономики, но и для экономической политики и экономической науки.

Подвести итог можно в виде следующих 12 тезисов, отражающих наиболее актуальные стратегические направления экономической политики в кризисный и посткризисный периоды. Их можно представлять как своеобразную «экономическую октаву», содержащую полный перечень мероприятий по преобразованию экономики. Наименование каждого из них, начинается с одной и той же приставки «ре-».

ящими уровнями управленческой иерархии.

10. Реформирование предприятий в целях достижения сбалансированности прав и ответственности собственников, менеджеров специалистов и персонала.

11. Реституция роли репутации в социально-экономической жизни;

12. Реморализация общества (термин А. и Б. Стругацких).

Применение системного подхода к проблемам преодоления текущего кризиса и предотвращения новых кризисов на базе достижений системной экономической теории представляется одним из ключевых направлений развития современной российской экономики. ❖

О трудных вопросах экономической политики и науки

Андрей **Клепач**,

заместитель председателя (главный экономист), член
Правления Государственной корпорации «Банк развития и
внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)»

Рассогласованность денежной, валютной, бюджетной и структурной политики является одним из важнейших барьеров развития российской экономики. Россия пока не смогла сформировать свою сбалансированную и привлекательную и для себя, и для мира модель развития. Драматический опыт развития в 1990-е и 2000-е годы показывает, что новая модель развития должна включать в себя эффективные механизмы общественной координации, обеспечивающие выход за пределы частной максимизации прибыли и нацеливающие экономический рост на создание условий для сбережения народа и природы.

Современные кризисы вновь обнажили циклический характер экономического роста, неспособность системы, основанной на накоплении капитала, к самоподдерживающемуся равновесию, какие бы манипуляции с процентными ставками и бюджетными расходами не предпринимались. Для многих политиков и теоретиков становится ясно, что финансовые факторы и особенно финансовые дисбалансы имеют критическое значение для экономического роста, другими словами, нет совершенной конкуренции и совершенного взаимодействия финансового и реального секторов. Модель экономического роста, как

и реакция экономики на кризисные шоки и принимаемые антикризисные меры, во многом зависит от характера перераспределения доходов и баланса жертв в экономическом сообществе, его поведенческих и структурных особенностей.

Вместе с тем есть и новые вопросы, на которые и теория, и практика пока не дали ответы. Это так называемый кризис «общества благосостояния» и необходимость радикальной пенсионной реформы, конфликт между потребностью наращивания инвестиций в человеческий капитал, усилением социальной и экологической направленности экономического развития и уже сточением условий конкуренции, требований по снижению издержек и оптимизации бюджетного сектора, особенно в условиях кризиса суверенных долгов, поразившего многие западные страны.

В целом можно говорить о кризисе экономики, основанной на доминировании денег (финансовой экономики), производства прибыли над целостным (многовекторным) развитием экономики. Образно говоря, назревает возврат к изначальному понятию экономики как ведения хозяйства, домостроительства, в отличие от торговли и зарабатывания денег. В этом отношении терминологически вновь становится уместнее говорить о народном хозяйстве вместо экономики, ведомой денежными факторами.

Особенность российского развития в этих условиях возросшей турбулентности и неопределенности — это несогласованность или слабая скоординированность бюджетной, денежной (валютной) политики, избыточная структурная и институциональная открытость и уязвимость национальной экономики к внешним возмущениям, что становится важнейшими факторами торможения роста и углубления кризисных шоков.

Курс рубля после кризиса 2008–2009 гг. уже в 2010 г. вышел на относительно устойчивый уровень и в реальном выражении превысил докризисный уровень. Однако сколько в сопоставлении с конкурентоспособностью и реальной эффективностью российской экономики он оставался неравновесным и фактически завышенным, что проявилось уже в 2013 г. по мере восстановления импорта и в 2014 г., как только цены на нефть стали падать, а отток

капитала вырос, рубль вновь пошел вниз. Как только счет текущих операций в российской экономике приближается к нулевому значению, девальвация становится неизбежной, несмотря на все повышения процентных ставок и зажим ликвидности.

Таким образом, что хорошо для банков и платежного баланса, не всегда хорошо для реального сектора. Фактически курс является одним из элементов пары (относительного инварианта), вторым элементом которой является изменение валютных резервов и определяющих их уровень баланса экспорта и импорта, оттока и притока капитала. Коллизии 2014–2015 гг. показали,

травиться в отрыве от технологических, ресурсных и институциональных пропорций экономики. Скорее можно говорить о множественности, или как минимум двойственности равновесия. История российской экономической политики дает много примеров, когда форсированное достижение равновесия денежных или финансовых параметров развития усиливало несбалансированность реальных пропорций экономики и тем самым периодически вело к взрыву и в сфере стоимостных рыночных отношений (девальвации, росту бюджетного дефицита).

В то же время переход к плавающему курсу в целом был правильным решением, и это позволило

В ЦЕЛОМ МОЖНО ГОВОРИТЬ О КРИЗИСЕ ЭКОНОМИКИ, ОСНОВАННОЙ НА ДОМИНИРОВАНИИ ДЕНЕГ (ФИНАНСОВОЙ ЭКОНОМИКИ), ПРОИЗВОДСТВА ПРИБЫЛИ НАД ЦЕЛОСТНЫМ (МНОГОВЕКТОРНЫМ) РАЗВИТИЕМ ЭКОНОМИКИ

что наша экономика, прежде всего ее реальный сектор, не готова к полному переходу к таргетированию инфляции, и нам явно или не явно придется таргетировать и валютный курс. Переходу к таргетированию инфляции помешало не столько начавшееся падение цен на нефть и взлет бегства капитала, хотя они безусловно усугубили ситуацию, а более системные дисбалансы, которые и далее будут препятствовать жесткому инфляционному таргетированию.

Равновесность цен и курса национальной валюты не может рассма-

смягчить шок от падения мировых цен. При этом надо нащупать свою манеру плавания. Хоть брассом, хоть кролем, важно, чтобы плавание было гибким и направленным, а не хаотичным. При падении цен на нефть в 2015 г. почти на 46% (в среднесреднем выражении, по предварительной оценке) курс снизился на 61%. Однако опережающая девальвация в целом сыграла положительную роль в адаптации к шоку. Негативный эффект в большей мере имели другие факторы (перехлест процентных ставок, резкая избыточная волатильность курса, огра-

ничество государственного спроса). Но это вопрос опять же о многомерности действий и невозможности управлять экономикой сверху, как и строить корпоративную адаптацию снизу, только на основе изменения курса (цены) и бюджета. Реальные переменные тоже имеют значение.

Высокая системная зависимость российской экономики, ее темпов роста, доходов корпораций и населения, банковского сектора и бюджетной системы от колебаний экспортных доходов не может быть устранена за три — пять лет, и ее можно лишь частично смягчить накоплением государственных и частных резервов. Передача внешнего шока в колебание ключевых стоимостных параметров — курса национальной валюты, процентных ставок, доходов населения — может идти с разным мультипликативным эффектом. Однако это не просто счетное уравнение, а вопрос распределения

и бюджет, то в кризис 2015 г. основные потери приходится на население.

Понятно, что в открытой экспортно ориентированной и валютизированной экономике, какой мы являемся, падение экспортных доходов, как и масштабный отток капитала должно привести к снижению реальных доходов или населения, или бизнеса, или и тех и других. Вопрос — в справедливом или эффективном распределении бремени, создающем условия для последующего оживления. Если в 2009 г. и особенно в 2012–2014 гг. мы избыточно перераспределили доходы в пользу населения, при общем правильном тренде на опережающий рост зарплат в бюджетном секторе, то в 2015–2017 гг. есть угроза избыточного отскока в обратном направлении.

Наряду с компенсаторными колебаниями стоимостных параметров экономики ее системная уязвимость ставит вопрос о необходимости фор-

ванием нетрадиционных инструментов денежной политики (выходящих за рамки рыночного формирования ставок). Это «квазирыночные» инструменты спасения самого рынка. Конечно, здесь также важен баланс и не только в части инфляционных рисков, а в отношении реально эффективного использования средств.

Тем не менее возможность для стратегического маневра есть, и она обеспечивается той рентой, которую мы получаем от добычи и экспорта сырьевых и топливных товаров, получая передышку для получения со временем конкурентоспособной интеллектуальной ренты. Российскую экономику традиционно характеризуют как ресурсно ориентированную, поскольку получение природной и конъюнктурной ренты (windfall, от роста мировых цен по сравнению с ценами импортируемой продукции) является важнейшим фактором создания добавленной стоимости (около 20–30% ВВП) и ее перераспределения. Только налоги и платежи от нефтегазового сектора формируют более 40% доходов бюджетной системы. Однако это не означает, что всю ренту надо изъять из экономики и заморозить во внебюджетных фондах. «Ресурсное проклятие» не есть проклятие России. И Россия, и другие богатые ресурсами страны (США, Канада, Австралия) в своей истории показывали примеры успешного использования этих доходов. Перефразируя известную пьесу, можно сказать, «горе не от ресурсов, а от ума», точнее от недостатка мудрости. Разумное использование сырьевых сверхдоходов для модернизации традиционных, в т.ч. сырьевых, производств и создания новой интеллектуальной экономики — это важнейший вызов и возможность России.

Несмотря на то, в середине 2000-х гг. бюджетная система извлекала из экономики от 5 до 7% ВВП, это не устранило перегрева в определенных секторах, прежде всего в финансовой сфере и в потребительском спросе. Однако это не означает, что норму изъятия надо было еще более повысить и в идеале устранить из экономики все сверхдоходы. От кризиса это бы не уберегло, так как не создавало новой более конкурентоспособной экономики, но значительно ограничило бы темпы роста и ослабило бы страну. ❖

« РАВНОВЕСНОСТЬ ЦЕН И КУРСА НАЦИОНАЛЬНОЙ ВАЛЮТЫ НЕ МОЖЕТ РАССМАТРИВАТЬСЯ В ОТРЫВЕ ОТ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ, РЕСУРСНЫХ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ПРОПОРЦИЙ ЭКОНОМИКИ

бремени потерь (жертв) между субъектами экономики. Потери товарного экспорта за 2013–2016 гг. оцениваются в 205 млрд долларов (пик был достигнут в 2012 г.). Сокращение ВВП в долларовом выражении оценивается за этот период в 926 млрд или в 4,5 раза выше сокращения экспорта. Однако за счет девальвации, инфляции и других эффектов адаптации сокращение ВВП в реальном выражении оценивается в 2,4 проц. пункта. В то же время если в кризис 2009 г. реальные доходы населения избежали падения, бремя потерь взял на себя бизнес

мирования очага, «острова», который бы мог развиваться достаточно устойчиво вне жесткой зависимости от возмущений во внешнеэкономической сфере. Таким очагом может быть не только оборонно-промышленный комплекс или ТЭК (который достаточно устойчив к колебаниям мировых цен), но и часть бюджетного сектора, определяющая развитие и качество человеческого капитала. Устойчивость этих секторов (кроме ТЭКа) напрямую зависит от доходов бюджета, но ее можно повысить увеличением государственного долга и соответствующим использо-

Кризис дает шанс начать структурное преобразование экономики

Александр **Мурычев**,

член Президиума ВЭО России, исполнительный вице-президент Российского союза промышленников и предпринимателей

В чем уроки кризиса для российской финансовой системы, российского банкинга? Именно бандинг является сегодня основной артериальной системой экономики и, как следствие, дает первые сбои. И именно бандинг может стать тем «локомотивом», который даст новый импульс для развития. Перед страной стоит выбор — пойти по пути структурной перестройки, начать подлинную модернизацию или по-прежнему надеяться на сырьевую иглу. От этого выбора зависит и судьба российского банкинга.

В тяжелой ситуации развивающихся негативных процессов в экономике необходим совместный план антикризисной политики, который предполагал бы координацию, во-первых, денежно-кредитной и финансовой политики, а во-вторых, социально-экономической. Но пока такого документа нет, а действия правительства и ЦБ можно назвать разнонаправленными. Яркий пример разбалансированности таких действий мы наблюдали в середине декабря. Практически на 40% девальвировался рубль, и после этого ЦБ повысил процентную ставку до 17%. Резкое повышение ставки сильно отразилось на рынке; на стоимости кредитного ресурса, кредитной активности банков. В это время адекватных действий со стороны правительства, которое должно озаботиться поддержкой экономики через системные меры, инструменты субсидирования, гарантий, поручительств и пр., не последовало.

ЦБ в соответствии с законом прежде всего осуществляет таргетирование инфляции, поддержание курса национальной валюты. ЦБ признал, что за экономику тоже надо нести ответственность. Снижение в январе ключевой ставки на 2% было трудным

решением. ЦБ подвергся резкой критике либерально настроенной финансово-экономической интеллигенции. Банк идет в правильном направлении. Монетарные меры у нас практически не срабатывают, наши проблемы лежат гораздо глубже. Хотя действия регулятора очень важны, но коренные проблемы заключаются, во-первых, в отсутствии единства в осуществлении денежно-кредитной политики правительством и ЦБ. Во-вторых, это цена на нефть, в-третьих, — рост тарифов, который давит на инфляцию, а также неблагоприятном деловом и инвестиционном климате. И при этом непредсказуемость поведения властей, недоверие им.

и Счетная палата не найдет, куда по разным схемам они ушли.

В условиях существенного воздействия разных проблем, отсутствия структурных преобразований очень важна эффективность госуправления. У нас работает огромная бюрократическая машина, но ее эффективность мала. Фактически гасятся возникающие проблемы, и нет работы по их предупреждению. Минэкономразвития ежемесячно пересматривает разного рода прогнозы исходя из цены нефти. Но пора уже ориентироваться не на выручку от продажи нефти, а решать вопросы развития экономики за счет собственного ресурса, прежде всего за счет тех приоритетных

« ЕСЛИ ТЕКУЩАЯ СИТУАЦИЯ НЕ ИЗМЕНИТСЯ, ТО ОЧЕВИДНО, ЧТО БАНКРОТСТВА В БАНКОВСКОЙ СФЕРЕ НЕ ИЗБЕЖАТЬ

Эти проблемы можно выстроить и в другом порядке, некоторые из них в большей степени неэкономические, психологические, но влияют на инвестиционный климат в нашей стране значительно, чем экономические факторы. Поэтому системное решение всех проблем правительством, Центральным банком может в скором времени привести к стабилизации.

В настоящее время средства выделяются узкому кругу кредитных организаций — причем на определенных условиях. Эти средства предназначены не на поддержку банков, а на кредитование экономики. И все же, с моей точки зрения, нужны спецсчета, иначе деньги опять растворятся,

отраслей, которые нужно определить и поддерживать. Да, это нерыночные подходы, однако без административного ресурса, целевых установок и планирования стратегическую задачу кардинального реформирования экономики не решить. Это под силу только государству.

Возвращаясь к банковской системе, следует отметить, что банки в январе текущего года имели 24 млрд убытка против 39 млрд прибыли в январе 2014 г. Темпы роста просроченной задолженности у подавляющего большинства банков в разы превышают темпы роста кредитного портфеля. Если текущая ситуация не изменится, то очевидно, что банкротства в банковской сфере не избежать. ❖

Тенденции развития сельского хозяйства и направления современной агропродовольственной политики России

Александр **Петриков**,

заместитель министра сельского хозяйства Российской Федерации, академик РАН

Актуальными направлениями среднесрочной агропродовольственной политики являются: стимулирование притока инвестиций в отрасль; формирование современной инновационной системы в АПК; осуществление структурных преобразований, включая улучшение доступа среднего и малого бизнеса к ресурсным и продуктовым рынкам; стимулирование региональной специализации производства; социальное обустройство сельских территорий.

В последнее десятилетие (2005–2015) сельское хозяйство является наиболее динамично развивающейся отраслью российской экономики.

Если в промышленности индекс производства за 2005–2014 гг. составил 121,3%, то в аграрном секторе 136,2%, в то время как в 1999–2005 гг. промышленность росла быстрее сельского хозяйства. Экономический рост в аграрном секторе наблюдается ежегодно начиная с 1999 г., исключая засушливые 2003, 2010 и 2012 гг. Объем производства в сельском хозяйстве в 2014 г. составил 97,1% к уровню 1991 г., аналогичный показатель в промышленности — 90,7%.

Наиболее высокие темпы демонстрирует растениеводство, которое превзошло дореформенный уровень, в то время как выпуск животноводческой продукции пока ниже дореформенного на 27%.

В связи с политикой ускоренного импортозамещения в декабре 2014 г. внесены изменения в Госпрограмму развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг. На ее реализацию выделяется дополнительно 568 млрд руб., объем бюджетных

ассигнований, предусмотренных программой до 2020 г., составляет 2,1 трлн руб. Дополнительные ассигнования будут направлены на финансирование таких приоритетных направлений, как увеличение производства мяса скота и птицы, производства молока, плодово-ягодной продукции, овощей, винограда и картофеля, что, согласно расчетам Минсельхоза России, позволит обеспечить к 2020 г. увеличение производства.

Основными направлениями совершенствования агропродовольственной политики в среднесрочной перспективе являются следующие.

1. Дальнейшее стимулирование инвестиций в отрасль.

2. Поддержка инновационного процесса в АПК с целью уменьшения его научно-технологической зависимости от иностранных поставок.

Необходима разработка и реализация специальной агропромышленной инновационной политики, основными направлениями которой должны стать:

- Совершенствование государственного заказа на научные исследования.
- Увеличение объемов прикладных работ и средств на внедрение результатов НИР.
- Развитие инновационной системы аграрных вузов.
- Сельскохозяйственное консультирование.

3. Проведение новой структурной политики в сельском хозяйстве.

Для малых и средних сельскохозяйственных единиц особенно актуально улучшение доступа к рынкам ресурсов и готовой продукции. Для этого необходимо развивать вертикальную сельскохозяйственную кооперацию.

Актуальна переориентация мер поддержки от субсидирования кредитов к прямым выплатам сельхозпроизводителям (субсидии на гектар, на центнер реализованного молока).

Новым направлением структурной политики должно стать стимулирование «контрактного сельского хозяйства», когда крупное предприятие — рыночный интегратор передает часть своего производственного цикла, а именно производство сырья более мелким хозяйственным единицам, поставляя им необходимые производственные ресурсы, перерабатывая и реализуя продукцию.

4. Совершенствование взаимоотношений федерального центра и регионов, формирование зон специализации сельскохозяйственного производства.

Региональные меры должны быть направлены, как правило, не на субсидирование производства, а на развитие рыночной инфраструктуры, сельских территорий.

Госпрограмма помимо целевых показателей и ресурсного обеспечения должна иметь четкие географические координаты, то есть способствовать созданию в стране зон по производству определенных продуктов. Целесообразно провести сельскохозяйственное районирование страны и разработать схему размещения производительных сил сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности.

Кроме того, в критерии оценки деятельности губернаторов целесообразно внести показатели по сельскому хозяйству и сельским территориям.

5. Увеличение финансирования ФЦП «Устойчивое развитие сельских территорий»

Необходимо стимулирование жилищного развития в сельской местности, развитие социальной и инженерной инфраструктуры сельских населенных пунктов (систем транспорта, газо-, электро- и водоснабжения; сети общеобразовательных, медицинских и культурно-бытовых учреждений). ❖

Зелёная экономика: реалии и перспективы

Борис **Порфирьев**,

член Правления ВЭО России, заместитель директора Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, член-корреспондент РАН

Для большинства развитых и переходных государств, являющихся нетто-импортерами энергоресурсов и одновременно испытывающих избыток трудовых ресурсов (и проблему безработицы, которая особенно остро ощущается в период экономического кризиса), развитие альтернативной энергетики и в целом «зеленой» экономики как способа импортозамещения и смягчения безработицы является, очевидно, даже более важным, чем экономия ресурсов и снижение нежелательных выбросов в окружающую среду, включая парниковые газы.

Для России, напротив, трудо- и импортозамещающие функции альтернативной энергетики имеют второстепенное значение для развития и конкурентоспособности ее хозяйственного комплекса на ближайшие годы и среднесрочную перспективу (до 2020 г.), а главным является обеспечение приоритета энергоэффективности над трудо- и импортозамещающими функциями альтернативной энергетики и других производств «зеленого» сектора экономики. Преимущество следует отдавать менее трудоемким видам деятельности, например НИОКР в сфере экологически чистой энергетики; среди крупномасштабных проектов в этой сфере — установкам по утилизации попутных газов, а также производству энергии из биомассы или геотермальной энергии (по сравнению с гелиоустановками или мощностями по улавливанию и хранению углерода, которые также отличаются высокой капиталоемкостью).

При этом особое значение имеют технологии, использование которых обеспечивает двойной выигрыш (дивиденд) в виде отрицательных предельных издержек ресурсосбережения и снижения выбросов парниковых газов. Это означает, что указанные технологии обеспечивают решение обеих задач одновременно с экономией средств. Такие технологии шире всего применяются в ЖКХ (теплоизоляция, освещение зданий, водонагревательные устройства).

Мощный приток инвестиций и быстрые темпы развития «зеленой» экономики породили у заметной части аналитиков и в политических кругах серьезные ожидания в ее уверенной победной поступи в ближайшие десятилетия. Об этом свидетельствуют многочисленные доклады и прогнозы, в том числе специализированных организаций ООН, подготовленных с участием международных экспертов, органов управления и научных структур как развитых, так и развивающихся стран.

В упомянутых докладах специально подчеркивается, что, несмотря на солидные масштабы предполагаемых инвестиций, эта сумма на порядок меньше суммы среднегодовых мировых инвестиций. Поэтому необходимые для инвестиций средства вполне можно привлечь при условии реализации продуманной государственной политики и использования инновационных механизмов финансирования, включая торговлю выбросами парниковых газов и микрофинансирование.

Соглашаясь со сторонниками «зеленого» сценария экономического роста в его прогрессивной миссии и позитивном в целом влиянии на социально-экономическое развитие мира, снижение экологических и климатических

рисков, вместе с тем представляется необходимым разграничить обоснованные ожидания от факторов и условий, существенным образом ограничивающих масштабы и эффективность прогнозируемых глобальных трансформаций. Это позволит получить более объективную оценку перспектив развития «зеленой» экономики как нового сегмента мирового хозяйства, включая его основные субъекты, к которым относится и российская экономика.

Основные ограничители включают:

- инерционность институциональной и технологической базы экономического развития, которая выражается в неспособности мировой экономики адаптировать производственные процессы к условиям снижения спроса с той же скоростью, с которой она адаптирует эти процессы в условиях роста спроса.
- значительные различия в уровне развития в сфере «зеленой» экономики, а также характере и масштабах влияния «зеленых» инвестиций на экономический рост — как между странами, так и производственными комплексами (отраслями).

Перечисленные обстоятельства предполагают не отказ от «зеленой» экономики, не безоглядное стремление к форсированному ее росту под аккомпанемент экологических лозунгов, в том числе во имя спасения климата, но продуманный, дифференцированный и поэтапный подход к ее развитию с учетом производственно-технологической, социально-экономической и природно-географической специфики регионов и государств. ❖

Кризис требует мобилизации

Юрий **Росляк**,

вице-президент ВЭО России, аудитор Счетной палаты Российской Федерации

Мы уже не первый раз возвращаемся к теме о том, что делать в условиях объективной цикличности в развитии экономических систем. Пора уже прийти к пониманию, что самое главное для нас — это оценить и отработать параметры и механизмы работы в самой нижней фазе цикла и считать это нашим нормальным состоянием, а всё, что появляется в системе с плюсом, использовать для реализации программ развития. Это крайне важно для обеспечения сбалансированности бюджетной системы и проводимой бюджетной политики.

В очередном кризисе возрастает роль государства в управлении, развитии и обеспечении в первую очередь социальной и политической стабильности — хотя эта роль не теряет актуальности и в обычные или тучные, как их называют, годы. Одним из главных стабилизирующих факторов становится бюджет, а точнее бюджеты всех уровней. Целевой характер использования бюджетных средств, сохранение достигнутых объемных показателей и выполнение социальных гарантий, а также создание механизмов, которые приводили бы к «прокручиванию» даже порой «скрипучих», но критически важных и неизбежных элементов и механизмов экономики, вот что должен выполнять в такой ситуации бюджет.

В этих условиях должно уделяться особое внимание бюджетам регионов.

Сегодняшний уровень межбюджетных отношений не обладает достаточной объективностью, справедливостью, предсказуемостью, в связи с чем возникает целый ряд недопустимых, а порой и опасных

диспропорций. Регионы лишены стимулов, которые могли бы стать ресурсами для ускорения выхода из кризисной ситуации или обеспечения как минимум гарантированной стабильности.

Сбалансированность бюджетов регионов — это гарантия стабильности социальной и политической ситуации в целом в стране. И в случае, когда собственных доходов на реализацию возложенных на регион полномочий не хватает, федеральный бюджет должен быть компенсатором и заниматься перераспределением общих доходов консолидированного бюджета страны по понятным и объективным правилам.

В противном случае возникает дефицит бюджета субъекта, нарастает объем долговых обязательств (на 01.10.2015 они превысили 2,0 трлн руб.) — это долги для исполнения текущих (в т. ч. социальных) бюджетных обязательств или расходов, которые фактически не имеют источника для погашения в будущем. Данную ситуацию нужно исправлять.

Кроме того, перейдя на принципы формирования бюджетов по программно-целевому методу, на субъекты Федерации возложены целевые задания по росту заработной платы в социальной сфере, сносу аварийного жилья и т. д., которые не учтены в их расходных полномочиях, но являются обязательными.

Своевременное реформирование системы межбюджетных отношений не провели. А оно должно быть проведено безотлагательно.

Для этого необходимо оперативно провести инвентаризацию всех перераспределенных расходных обязательств на уровне субъектов и муниципалитетов, сопоставить их с сегодняшней собственной налоговой базой регионов, пото-

му что и обязательства, и, самое главное, налоговый потенциал за последнее десятилетие существенным образом изменились, в том числе в рамках налоговых реформ, которые проводились. Важной проблемой сегодня является увязка целей и заданий Государственных программ стратегического планирования и реального потенциала бюджета. Госпрограммы как инструмент реализации должны выстраивать приоритеты и концентрировать ресурсы на основных целях и задачах национального значения с соответствующим их ресурсным обеспечением. Перераспределение средств на поддержку сбалансированности региональных бюджетов должно учитывать эти новые реалии, быть прозрачным и понятным для всех участников бюджетного процесса.

Нужно обеспечивать реализацию и завершение ранее начатых программ с тем, чтобы они не были обузой и тормозом для государства и для населения на следующем этапе развития. Например, программы ликвидации аварийного жилого фонда, модернизации и повышения энергоэффективности жилищно-коммунального хозяйства и т. д.

Должны быть созданы институты, позволяющие окупать вложенные средства, но в долгосрочном периоде времени при нормальном формировании долгосрочной тарифной политики, а не на 1–2 года.

Необходимо выявлять приоритеты, ставить такие цели и задачи (здесь приведены только две программы), которые бы давали возможность, сжимая расходы, в принципе, и экономя средства, получать более высокий и эффективный результат, потому что это крайне полезно для выхода из кризиса. ❖

Экономическая теория и экономическая реальность

Дмитрий **Сорокин**,

член Президиума ВЭО России, проректор по научной работе
ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ»,
член-корреспондент РАН

Сегодня для российской экономической науки нет более актуальной задачи, чем выработка концепции преодоления сложившегося стагнационного тренда российской экономики и перехода к устойчивому социально-экономическому развитию.

В 2014 г. произошла фактическая остановка экономического роста, перешедшая в 2015 г. в его падение.

Вместе с тем состояние материальной базы экономики определяет 2–3% рост, при котором возможно лишь простое воспроизводство. При такой динамике ВВП не удастся сбалансировать экономические и социальные составляющие развития страны.

Однако в мае 2015 г. Минэкономразвития предложило в качестве базового сценарий со среднегодовым приростом ВВП в 2013–2018 гг. в 1%.

Особую остроту проблема динамики экономического роста приобретает в условиях нынешнего обострения политического и экономического противостояния России с США и ЕС, которое может иметь относительно долгосрочный характер.

Вместе с тем выработка концепции перелома сложившегося вектора осложняется расколом научного экономического сообщества. По сути, противостояние «рыночников» и «планомерщиков» советского периода ныне воспроизводится в противостоянии «либералов» и «государственников». При этом речь идет именно о расколе, а не о научной

дискуссии между представителями разных политико-экономических школ: каждая из них проводит отдельные форумы, конгрессы, конференции и т. п., издает «свои» журналы, предпочитая заочную критику оппонентов, и формирует своих будущих адептов в «своих» учебных заведениях. В результате по-настоящему «пострадавшей» стороной становится российская политическая экономия. История науки учит: там, где монополизировано право на «единственно верную научную теорию», кончается наука, начинается конкуренция за доступ к «государеву уху», а по существу — за доступ к финансовым ресурсам.

Представляется, что перевод противостояния различных научных школ в конструктивную научную дискуссию должен начаться с констатации сложившегося единства в понимании причин сегодняшней социально-экономической ситуации и материальных условий для ее изменения. А такое единство, безусловно, существует.

Во-первых, существует общее понимание, что фундаментальной причиной кризисов российской эко-

номики как 1990-х гг. и 2009 г., так и нынешнего являются не те или иные конъюнктурные обстоятельства, порождаемые политическими факторами (типа «войны санкций») или флюктуациями мировых рынков (будь то резкое падение цен на энерго-сырьевых рынках или лопание «финансовых пузырей»). Для их преодоления и существуют резервы, формируемые в период благоприятной экономической ситуации. Не связаны они напрямую и с циклами экономической конъюнктуры. В их основе лежит сложившаяся производственно-технологическая структура отечественной экономики.

Именно низкая конкурентоспособность товаров высокой степени переработки в условиях открытого рынка породила высокую импортозависимость российской экономики.

При этом следует иметь в виду, что энерго-сырьевая зависимость российской экономики связана не с высокими или низкими экспортными ценами на соответствующие товары, а с их динамикой. При нынешней структуре производства для экономического роста России нужны не просто высокие, а непрерывно растущие цены на энерго-сырьевые товары. Понятно, что надеяться на устойчивый экономический рост за счет непрерывно растущих цен на энергоносители (впрочем, как и на любой другой товар) экономически неграмотно.

Во-вторых, эксперты едины в понимании того, что производство конкурентоспособной продукции конечного потребления предполагает

наличие развитого перерабатывающего сектора экономики, что, в свою очередь, требует наличия современной технологической базы экономики.

В-третьих, представители самых разных школ и направлений российской политико-экономической мысли видят причину негативного тренда в сложившейся системе экономических отношений и согласны, что для его преодоления необходимы достаточно существенные институциональные изменения.

Таким образом, сегодня все экономические школы едины в понимании необходимости активной роли государства в экономической жизни.

Расхождения начинаются в той части, где речь идет о том, в чем должна выразиться активизация роли государства в экономической жизни.

Те, кого относят к «либеральной» школе, опираются на давно теоретически обоснованный и подтверждаемый экономической историей факт, что главным двигателем экономического развития выступает частно-предпринимательская инвестиционная активность. Соответственно экономическая роль государства прежде всего должна заключаться в создании институциональных условий для проявления такой активности.

Представители «либерального» направления видят причину сложившейся ситуации в непоследовательности государственной политики развития предпринимательских свобод, подавляемых государственной экономической активностью, и соответственно, препятствующей созданию хорошего «инвестиционного климата».

«Государственники» же, наоборот, видят причину отсутствия позитивных результатов в непоследовательности курса на рост экономической активности государства в силу сохранения линии на либерализацию экономической жизни. При этом в качестве аргументов выступают не только теоретические построения, но и факты экономической активности государства, способствующие экономическому успеху. Речь не только о китайской экономике с ее высокой долей государственного сектора, но и об опыте стран, осуществивших успешное формирование современных высокотехнологичных укладов при масштабной инвестиционной поддержке государства.

Перевод дискуссии в конструктивное русло возможен при условии,

что сторонники обеих концепций будут помнить, что теоретические концепции любой науки оперируют абстракциями и сформулированные в них закономерности проявляются в «чистом» виде лишь при соблюдении «прочих равных условий». В реальной жизни таких «равных условий», как правило, не бывает. Для того чтобы теоретические построения превратились в прикладные инструменты экономической политики, необходимо соотносить их с политико-экономическими реалиями страны как внешнего, так и внутреннего характера.

Политической экономией давно сделан вывод, что движущей силой реального экономического роста в рыночной экономике является конкуренция предпринимателей.

экономической жизни. С точки зрения теории именно такая политика должна принести искомые результаты, и потому либерализация экономической жизни в данном направлении является абсолютно необходимым условием перехода к устойчивому социально-экономическому развитию.

Но является ли такого рода либерализация достаточным условием перехода страны к устойчивому социально-экономическому развитию в конкретных условиях сегодняшней России? Обращаясь к ним, нелишне задаться следующими вопросами.

Во-первых, располагает ли сегодня частнопредпринимательский сектор российской экономики ресурсами для решения масштабных задач коренного технологического перевооружения национальной экономики?

« СЕГОДНЯ ВСЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ ЕДИНЫ В ПОНИМАНИИ НЕОБХОДИМОСТИ АКТИВНОЙ РОЛИ ГОСУДАРСТВА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Однако не всякий предприниматель является субъектом реального экономического прогресса, а тот, которого Й. Шумпетер назовет предпринимателем-новатором, «перетягивающим» на себя финансовые ресурсы в целях создания новых более эффективных технологий. Таким образом, главной задачей становится создание благоприятного инвестиционного климата не вообще, а в первую очередь для предпринимателей-новаторов. И вряд ли кто-либо из приверженцев опоры на государственную инвестиционную активность будет возражать против необходимости последовательного приоритетного для таких предпринимателей устранения излишних административных барьеров, эффективной защиты их прав собственности, удешевления и упрощения для них доступа к финансовым ресурсам и иных преференций, на которых настаивают сторонники политики либерализации

получение ресурсов для создания конкурентоспособной технологической базы из зарубежных источников?

И самый главный вопрос: располагает ли Россия временным ресурсом для ожидания результатов институциональных реформ в виде появления критической массы шумпетерианских предпринимателей-новаторов?

Сложившийся ныне вектор экономической динамики и геополитическая обстановка дают однозначно отрицательный ответ.

Таким образом, последовательно и настойчиво осуществляя научный поиск и реализацию институциональных мер, способствующих появлению и накоплению критической массы предпринимателей-новаторов, следует понимать, что эти меры в нынешней российской реальности, безусловно, необходимы, но недо-

статочны для перехода к траектории устойчивого экономического роста в рамках имеющегося у страны временного интервала для осуществления такого перехода. Они должны быть дополнены комплексом мероприятий, способных «заполнить временную яму» между необходимостью немедленного перелома стагнационных тенденций и временем, когда эту функцию сможет взять на себя новое поколение российских предпринимателей. Можно ли в сложившихся условиях осуществить эти мероприятия без использования инвестиционного потенциала государства?

Конечно, нынешнее российское государство трудно назвать эффективным. Но, принимая в качестве исходного положения тезис о «неэффективном государстве», мы обрекаем себя на бездействие. Ведь «неэффективное государство» не только не сможет проявлять должную инвестиционную активность, но и точно также — институциональную

Прежде всего, необходимо помнить, что государственные инвестиции в силу объективно присущих большим системам органической целостности (а национальная экономика является именно такой системой) ограничениям способны обеспечить лишь точечные прорывы, а не комплексное социально-экономическое развитие страны.

Большие системы органической целостности для своего сохранения и развития требуют наличия механизмов их саморегулирования, роль которых в экономических системах выполняют механизмы рынка. Это, конечно, не означает устранение государства от регулирования экономических процессов. Однако не следует отождествлять регулируемую роль государства с централизованным командно-административным управлением.

Главное — нельзя забывать о самом существенном риске политики наращивания инвестиционной ак-

давляет частнопредпринимательскую инициативу и ведет к избыточному присутствию государства в тех сферах экономики, где оно должно быть сведено к минимуму при явном дефиците государственного участия там, где это действительно необходимо.

Предотвратить подобное развитие событий возможно лишь через проведение наряду с институциональными преобразованиями в экономической сфере, формирующими слой экономически самостоятельных предпринимателей-новаторов, не менее глубоких преобразований политических институтов в направлении демократизации жизни общества, способных, с одной стороны, предотвратить появление «Большого брата», а с другой — исключить тенденции предпринимательского сословия к приватизации государства.

Потребность в теоретическом обосновании сценария, органически соединяющего либерализацию экономической жизни с активизацией экономической роли государства, диктуется сегодняшней социально-экономической реальностью России. Опора теоретических исследований на эту реальность — условие преодоления сложившегося раскола в российской политико-экономической мысли, ее реального влияния на формирование стратегии развития страны. В свою очередь, такой подход означает, что формирование концепции перехода к устойчивому социально-экономическому развитию не может быть уделом лишь политико-экономической мысли. Теоретической базой здесь должны стать не только познанные экономические закономерности и знание реального состояния национальной экономики, но и знания о состоянии и тенденциях общественного сознания, соотношении различных политических сил, тенденциях внешнеполитической ситуации и многочисленных других объективных неэкономических факторов, являющихся предметом исследования других отраслей обществоведческой науки. Таким образом, статус научной может получить лишь та концепция, создание которой предполагает «выход» за пределы, диктуемые узкоэкономическим мышлением, опору на интегральное обществоведческое знание. Представляется, что такой подход позволит объединить интеллектуальный потенциал, накопленный всеми школами российской обществоведческой мысли для решения как собственно научных, так и практических задач. ❖

«ОПОРА НА ИНВЕСТИЦИОННУЮ АКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВА, ЯВЛЯЯСЬ В СЛОЖИВШЕЙСЯ ОБСТАНОВКЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ, ТЕМ НЕ МЕНЕЕ, САМА ПО СЕБЕ БУДЕТ НЕДОСТАТОЧНОЙ МЕРОЙ

активности, в том числе в развитии частнопредпринимательских свобод. Только последовательно развивая инвестиционную и институциональную деятельность государства, можно выявлять его слабые стороны и проводить последовательную политику их нейтрализации.

Вместе с тем экономические реальности России говорят и о том, что опора на инвестиционную активность государства, являясь в сложившейся обстановке обязательной, тем не менее сама по себе будет недостаточной мерой для перелома негативных тенденций, а при некоторых условиях может выступить фактором, усугубляющим нынешние негативные тренды.

тивности государства, вытекающем из исторического прошлого России. Он заключается в устоявшейся вере во всемогущество государства. Генетическая память о государственном патернализме может привести к тому, что введенный как вынужденная и временная мера т.н. «мобилизационный механизм» станет опираться прежде всего на приоритет властного принуждения. Неизбежным следствием такого подхода станет все более широкое использование методов «ручного управления», что хотя и позволяет решать какие-то частные задачи, но в принципе неспособно перевести экономику в режим сбалансированного устойчивого развития, по-

Стратегическое планирование как фактор повышения эффективности бюджетных расходов

Сергей **Рябухин**,

член Правления ВЭО России, председатель комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по бюджету и финансовым рынкам

Финансово-бюджетная политика России в настоящее время сталкивается с новыми вызовами. В условиях продолжающейся «войны санкций» значительный дефицит федерального бюджета или консолидированных бюджетов субъектов РФ может не только подорвать финансовую и макроэкономическую стабильность, но и ослабить способность страны противостоять внешнеполитическим угрозам.

В условиях снижения темпов экономического развития и падения цен на нефть снижаются поступления от большинства бюджетобразующих налогов. При этом нужно учитывать, что Президентом России поставлена задача в ближайшие 4 года не повышать налоговое бремя.

В этих условиях главным стратегическим направлением бюджетной политики на ближайшие годы становится обеспечение ежегодного сокращения расходов федерального бюджета не менее чем на 5% в реальном выражении за счет снижения издержек и неэффективных трат.

Очевидно, что урезание бюджетных расходов не должно носить механический характер, когда все статьи расходов разом уменьшаются на заданную величину. Необходимо учиться выделять настоящие приоритеты бюджетной политики и максимально рачительно использовать государственные ресурсы при достижении выбранных целей. Для этого нужно более активно внедрять элементы стратегического планирования в бюджетный процесс.

Согласно действующему законодательству основным инструментом

стратегического планирования, который обеспечивает координацию государственного стратегического управления с целями и задачами бюджетной политики, являются государственные программы.

К сожалению, пока переход к программному формату сталкивается с существенными проблемами. Например, в программном разрезе представляются лишь чуть более половины всех бюджетных расходов. Кроме того, бюджетный процесс организован таким образом, что парламенту и органам парламентского контроля трудно оказывать реальное воздействие на основные параметры государственных программ и прежде всего на объемы их финансирования.

Чаще всего остается лишь констатировать, что внесение изменений в объемы бюджетного финансирования не сопровождается корректировкой соответствующих целевых индикаторов результативности, что нарушает основной принцип программного бюджета.

К сожалению, в прошлом и текущем годах работа над программной составляющей бюджета носила во многом скомканный характер. Например, в связи с принятием нового бюджета в апреле этого года процесс приведения госпрограмм в соответствие с показателями утвержденного бюджета продлится до 1 октября.

В ряде случаев показатели госпрограмм не коррелируют ни с одним из предусмотренных в них мероприятий. Во многих программах отсутствуют конкретные мероприятия для выполнения поставленных задач, не обеспечена взаимосвязь мероприятий, а также межотраслевая взаимоувязка. В программах не содержится оценка возможностей региональных бюджетов, а также

коммерческих организаций, участвующих в их реализации.

Безусловно, элементы стратегического планирования должны быть встроены и в систему межбюджетных отношений. Региональные программы необходимо тесно увязать с федеральными ведомственными программами. Федеральные субсидии и субвенции на софинансирование собственных и делегированных полномочий субъектов РФ должны быть консолидированы по программному принципу.

При этом межбюджетные трансферты необходимо распределять приложениями к федеральному закону о федеральном бюджете на очередной бюджетный цикл, то есть до начала финансового года. Кроме того, официально назначенные ответственные исполнители федеральных ведомств должны нести персональную ответственность за недоведение в установленные сроки до территорий положенных им средств федеральной финансовой помощи.

Одновременно было бы целесообразно активизировать работу по инвентаризации исполняемых регионами и муниципалитетами полномочий — как своих, так и делегированных.

В то же время действительно необходимые меры по укреплению финансовой дисциплины на местах не должны вести к чрезмерной централизации межбюджетных отношений и снижению возможностей регионов при реализации собственных приоритетов социально-экономического развития.

Таким образом, стратегическое планирование делает в бюджетном процессе лишь первые шаги. И в связи с новыми вызовами эту работу нужно существенно ускорить за счет более конструктивного и тесного взаимодействия законодательной и исполнительной ветвей власти. ❖

О стратегических задачах развития российской банковской системы и роли процесса стандартизации в их выполнении

Гарегин **Тосунян**,

вице-президент ВЭО России, президент Ассоциации российских банков, член-корреспондент РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Сложившаяся ситуация в экономике и банковской системе России требует новой парадигмы развития взаимоотношений между кредитными организациями, их клиентами и регуляторами.

В этом году заканчивается срок действия утвержденной Правительством РФ и Банком России Стратегии развития банковского сектора Российской Федерации на период до 2015 г. Уже достигнуты основные цели Стратегии: отношение активов банков в ВВП составляет в настоящее время около 100% (при запланированных 90%), кредитного портфеля к ВВП — 60% (при целевом уровне 55–60%). Однако достичь должного уровня капитализации кредитных организаций, скорее всего, не удастся: их совокупный капитал составляет около 12% ВВП страны, а должен, быть на уровне 14–15%.

В целом, банковская система, несмотря на рецессию в экономике и значительные потрясения последнего года на финансовом рынке, достигла количественных показателей, свидетельствующих о ее зрелости. Но как обстоят дела с качественными характеристиками?

Эффективной и качественно развитой является та финансовая система, которая может предложить гражданам и организациям доступные по объемам, срокам и стоимости кредитные ресурсы. С этой точки зрения, увы, мы пока далеки от должного уровня.

Наиболее очевидными индикаторами уровня доступности ссуд являются доля кредитов в объеме капитальных инвестиций организаций и домохозяйств.

Предлагаем установить следующие ключевые показатели результативности банковской системы России к 2020 г.:

- доля кредитов в совокупном объеме инвестиций в основные фонды должна вырасти до 18 с нынешних 9,3%;
- доля продаж новых автомобилей в кредит от общего числа рынка новых автомобилей достичь 60%, а не 45,8%, как сейчас.
- доля ипотеки в общем объеме сделок на рынке жилья должна увеличиться с 24,6 до 45%.

Приоритетом экономической политики государства на современном этапе должно стать создание инвестиционного спроса со стороны компаний-резидентов.

Если не предпринять соответствующих шагов, наша экономика рискует превратиться в экономику нереализованного инвестиционного потенциала.

В связи с отсутствием внешних источников фондирования банков необходимо более активное участие финансовых регуляторов в стимулировании экономической активности и «финансового импорто- (ресурсо-) замещения».

По нашему мнению, выходом может стать проведение целенаправленной политики количественного смягчения, даже несмотря на то, что рубль не является резервной валютой.

При этом российским нововведением будет осуществление такой политики при ненулевых ставках в целях защиты национальной валюты.

Вместе с тем ставка должна быть снижена и это, по нашему убеждению, никак не повлияет на увеличение нашей немонетарной по своей природе инфляции.

Кроме того, мы понимаем опасения Банка России, что рублевая ликвидность может пойти не в экономику, а на валютный рынок. Для минимизации этого риска нужно расширить рефинансирование, в том числе и под залог нерыночных активов:

- кредитов малому и среднему бизнесу;
- ссуд на реализацию инфраструктурных и инвестиционных проектов;
- ипотечных кредитов.

На это Банк России возражает, что массовое рефинансирование под такого рода залогов затруднительно ввиду сложности их оценки.

Для минимизации сопутствующих рисков целесообразно выработать стандарты этих продуктов, тем более что они также будут полезны с точки зрения процессов секьюритизации активов.

Весь мир идет по пути стандартизации банковского регулирования. Так, Basel 2 и 3 также фактически являются стандартами оценки рисков и соотношения их с объемом капитала. Если мы внедряем международные стандарты, то имеет смысл дополнить их и внутренними.

Еще один аспект использования стандартов – доступ банков к различного рода ресурсам. Нельзя не отметить ряд позитивных шагов, предпринятых Правительством России и Центральным банком РФ: расширение инструментов рефинансирования, предоставление субординированных кредитов, выкуп секьюритизированных ценных бумаг. Вместе с тем остаются нерешенными вопросы долгосрочного ресурсообеспечения кредитных организаций.

Сложившаяся ситуация в экономике и банковской системе России требует новой парадигмы развития взаимоотношений между кредитными организациями, их клиентами и регуляторами. На смену подозрениям и обвинениям в адрес друг друга должен прийти подход, заключающийся в совместном решении возникающих проблем во имя общего блага и в интересах каждого. ❖

К вопросу о налоговой политике современной России

Дмитрий **Черник**,

член Президиума ВЭО России, президент Палаты налоговых консультантов

Главным инструментом государственного воздействия на хозяйственные процессы является налоговая политика. За последние годы налоговая политика России претерпела ряд изменений. При этом есть как успехи, так и серьезные неудачи.

Налоговая система России стала возрождаться, а практически создаваться заново с 1991 г., когда наша экономика окончательно встала на путь рыночного развития. Первые налоговые законы России носили явный отпечаток торопливости и не были продуманы и проработаны. Например, 6 декабря 1991 г. был принят Закон РФ № 1992-1 «О налоге на добавленную стоимость». Этот налог или его прообраз никогда не использовался в России. Теоретически НДС был разработан известным экономистом, министром финансов Франции Мишелем Лоре в 1954 г. и лишь через 4 года введен для апробации в одной из заморских территорий, после чего вошел в действие в стране в качестве основного косвенного налога. В России на это было отведено 25 дней.

Тем не менее в самых сложных условиях Россия имела и имеет крупные успехи в проведении налоговой политики. Хотя наряду с ними есть и неудачные решения, которые, на мой взгляд, необходимо исправить.

Необходимо выяснить влияние динамики НДС на механизм ценообразования, ибо в текущей кризисной ситуации подлинным бичом является инфляция.

Будучи включенным в цену товаров, НДС выступает в качестве ценового фактора спроса и предлжения и оказывает непосредственное влияние на объемы реального производства и, следовательно, на социально-экономические процессы в стране.

Очевидно, что уменьшение ставки НДС должно вести к снижению розничных цен. А деятельность предпринимателей должна быть нацелена на

увеличение спроса на предлагаемые ими товары и услуги, что в итоге должно привести к росту прибыли предприятий и организаций.

К сожалению, в России снижение цен только в силу уменьшения налога без воздействия каких-либо других факторов маловероятно.

Скорее всего, при снижении НДС наши предприниматели получат еще одну возможность увеличить свою прибыль, не прилагая никаких усилий и не неся расходов.

Отсюда вывод. В России реформирование НДС, как и других косвенных налогов, не является столь действенным инструментом государственного регулирования экономики, чем в развитых странах.

Проведение налоговой политики в части НДС и других косвенных налогов должно дополняться комплексом экономических и административных мер, влияющих на ценообразование.

Одной из неудач налоговой политики можно считать главу 25 НК РФ «Налог на прибыль организаций». Этой главой была отменена инвестиционная льгота. В результате этого налог на прибыль во многом утратил свою регулирующую функцию, сохранив лишь фискальную роль.

Можно только приветствовать преференции для новых производств на территориях опережающего развития в Приморье, Хабаровском крае, в сложных производственных условиях, например на шельфах. Но проблему следует рассматривать более широко. В ближайшие 2–3 года в стране необходимо обеспечить повсеместный подъем реального сектора экономики. Эта задача требует проведения в действие апробированных налоговых механизмов, создающих заинтересованность бизнеса.

В современной налоговой политике России произошел еще один парадокс, когда сначала мы добились

крупного успеха с высоким экономическим эффектом, а спустя несколько лет перечеркнули достигнутое, вместо того чтобы его закрепить.

Речь о введенной в Налоговый кодекс главе 24 «Единый социальный налог». ЕСН заменил сразу четыре страховых взноса в государственные внебюджетные фонды. В чем же конкретно выразился этот успех и можно ли его измерить? Об этом необходимо сказать хотя бы потому, что этот налог подвергался в свое время острой критике. Налог был снижен, но при этом бюджеты не только не пострадали, но и получили солидную прибавку поступлений. А именно, ЕСН в год его введения обеспечил рост поступлений к базовому предыдущему году на 32%. Здесь сказались многие факторы, главный из которых частичный, но весомый вывод заработной платы из тени.

Отмена главы 24 НК РФ и возврат к уплате страховых взносов перечеркнули все преимущества и вернули ситуацию к началу XXI в. добавив еще три проблемы. Возросло число проверяющих организаций, увеличились налоги на малый бизнес, стимулируется использование малооплачиваемого, а следовательно, низко квалифицированного труда. Замораживание или прямое снижение оплаты труда стало общей практикой на многих предприятиях и в организациях.

Проводя налоговую политику, необходимо помнить, что налоги могут выполнять не только стимулирующую, но и ограничивающую функцию. И этим тоже следует пользоваться. Необходимо усилить налоговое давление на компании, выводящие свои активы за рубеж. Здесь можно вспомнить об одном забытом налоге — налоге на вывоз капитала, введенном в России в 1810 г.

Налоговая политика создает еще много возможностей и резервов для решения экономических и социальных проблем России. ➤

К вопросу о формировании и реализации эффективной модели социально-экономического развития России

Михаил **Шмаков**,

член Президиума ВЭО России, председатель Федерации независимых профсоюзов России

Причиной кризиса системы трудовых отношений является дефицит достойного труда. Не случайно МОТ взяла курс на достойный труд как основу устойчивого развития. Формируют каркас достойного труда для достижения устойчивого экономического роста достойная заработная плата, занятость, фундаментальные права в сфере труда, социальная защита и эффективный социальный диалог.

Нередко можно слышать, что в стране низкая производительность труда и потому-де «работнику и так платят слишком много». Но производительность труда — это функционал организаторов производства, собственников и менеджеров. Как говорится, если у вас плохие работники, то вы плохие управленцы. Остается загадкой, как при такой «низкой» производительности труда и низкой зарплате работников собственники предприятий, где трудятся эти работники, являются миллиардерами и мультимиллионерами.

Проблема доходов работника, его зарплаты тесно связана и с проблемой его расходов. Если при росте зарплаты пропорционально, а то и быстрее растет стоимость коммунальных услуг и электроэнергии, инфляция, — значит, этот рост иллюзорен. А реальная зарплата сегодня стремительно уменьшается.

Кроме того, **система распределения доходов и расходов в сегодняшней России откровенно несправедлива**. На одном и том же предприятии разрыв в зарплатах между топ-менеджерами и работниками может достигать ста и более раз (и это без учета доходов в виде дивидендов и пр.), и нельзя оправдываться тем, что 20 лет назад дело обстояло еще хуже.

Доход работника напрямую связан с его рабочим местом. Однако при этом нужно учитывать, что сам работник не может повлиять ни на производительность рабочего места, ни на его безопасную организацию.

Конечно, за последние 30 лет технологии защиты здоровья работника на рабочем месте улучшились. Но это не повод грязное называть чистым в результате манипуляций с системами экспертизы. Работодатель, который не в состоянии обеспечить безвредные условия труда, должен заплатить работнику за причиненный ущерб его здоровью. Но за реальную, а не вымышленную

кризиса. Поэтому можем сравнивать политику работодателей в отношении доходов работников. Она проста и незатейлива. В период роста доходы предприятия тратятся на дивиденды и приобретение новых активов, а зарплата индексируется в размере чуть выше инфляции, в лучшем случае. В период спада экономить начинают на фонде оплаты труда.

Даже если завтра производительность труда увеличится в два раза, это никак не изменит модель поведения работодателей.

Переориентация экономики на внутренний спрос, ее реструктуризация не могут проходить без

«**ДАЖЕ ЕСЛИ ЗАВТРА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА УВЕЛИЧИТСЯ В ДВА РАЗА, ЭТО НИКАК НЕ ИЗМЕНИТ МОДЕЛЬ ПОВЕДЕНИЯ РАБОТОДАТЕЛЕЙ**»

вредность. При переходе на спецценку условий труда нужна, без преувеличения, жесточайшая система контроля деятельности экспертных организаций. Обеспечить ее — задача и обязанность государства на федеральном уровне.

Изменить экономическое положение работника должны объединенные усилия государства, общества и бизнеса. Однако многие эксперты продолжают считать, что «невидимая рука производительности труда» волшебным образом сама увеличит зарплаты работников. Мы жили в тучные годы роста российской экономики, пережили тощие годы

серьезного общественного контроля, который со стороны работников осуществляют профсоюзы, а на уровне предприятий — первичные профорганизации.

Развитие и повышение конкурентоспособности реального сектора экономики, создание во всех отраслях экономики новых производств и высокотехнологичных (высокопроизводительных) рабочих мест с достойной зарплатой и условиями труда, активное стимулирование внутреннего спроса — именно такой **вариант развития страны** мы видим. Но кроме экономики нужны меры по поддержке трудящихся. ⇨

Интегральное общество: на смену капитализма и социализма

Георгий **Цаголов**,

профессор Международного университета в Москве, член Союза писателей России

Непреклонные факты новейшей истории указывают на непреходящую значимость формационного подхода. Современным производительным силам и производственным отношениям требуется сочетание социалистических и капиталистических начал, принципов планового и рыночного хозяйствования. Умелая их комбинация приводит к решению четырех наиболее важных задач развития общества: высоким темпам экономического роста, социальной справедливости, развитию личности, или человеческого потенциала, повышению духовной свободы граждан.

Такая конвергенция или интеграция поначалу двух противоположных общественно-экономических систем дает достаточно оснований для утверждения о свершающемся переходе человечества к новому интегральному строю. Причем практика пока идет впереди теории, что неудивительно и случилось не раз.

Тезис о «вечности» или «естественности» капитализма столь же далек от действительности, сколь мнение об «искусственности» или «рукотворности» социализма. Обладая рядом неоспоримых преимуществ, обе формации вполне «объективны» и имеют место в истории человечества не случайно. Однако обе они противоречивы, неустойчивы и требуют взаимодействия. Наиболее быстрорастущие и гармонично развивающиеся страны мира приняли интегральную систему в качестве основы их жизнеустройства.

Этот факт особо важен для нашей страны, оказавшейся в итоге ошибочно проведенных реформ в системе координат бюрократическо-олигархического капитализма. Именно он должен служить

ориентиром для коренной смены парадигмы общественного развития и оптимальной экономической политики. Возможности реализации такой стратегии и перехода эволюционным путем пока еще сохраняются, хотя время на это лимитировано. Промедление чревато революционным взрывом и очередным шараханьем страны в какую-либо крайность, уводящую общество от создания оптимальной системы.

Представленное видение настоящего и будущего расходится с концепциями постиндустриализма и многими другими близкими теориями, характеризующими радикальные сдвиги, совершающимися в производительных силах общества. Категории «капитализм», «социализм» и «интегральный строй» включают в себя прежде всего характеристику общественных отношений между людьми складывающихся в процессе производства, распределения и обмена материальных благ на различных ступенях развития человеческой цивилизации. Определения «постиндустриальное», «технотронное» или «информационное общество» абстрагируются от такой сущностной стороны, подчеркиваемой сторонниками формационного подхода. Если быть последовательным, то в этом случае следует поставить под вопрос и правомерность понятий «капитализм» и «социализм». Короче говоря, логически линия: капитализм, социализм, постиндустриализм — никак не выстраивается.

Критики концепции интегрального общества часто указывают на его внутреннюю противоречивость, или, как нередко говорят, «эклектичность», а отсюда вытекающую из этого неустойчивость,

возможность скатывания либо к капитализму, либо к социализму. Что ж угрозы такого рода возможно и существуют. Но ветер времени все же раздувает паруса именно такой формации. В человеческой природе социальные начала сосуществуют с эгоизмом. История показывает, что нахождение баланса между двумя противоречивыми, но реальными сторонами природы человека отвечает задачам поиска оптимальной модели общежития.

Теория интегрального общества дает ключ к формированию новой идеологии России. Она пока что не принята ни в одной из стран мира за основу. Главная помеха тому — идеологические шоры. Поклоняющемуся рынку Западу она не нужна. Приверженцам марксизма как вероучения она тем более не подходит. Но что мешает это сделать нам? Тридцать лет назад мы прокламировали необходимость перестройки и вместо бюрократического социализма поставили цель создать его демократический вариант. Вместо него мы оказались в системе олигархического капитализма. Переход от социализма к капитализму, тем более олигархическому, а затем и бюрократическо-олигархическому надо признать ошибкой. В качестве цели новых напрашивающихся перемен должно быть названо интегральное общество — синтез лучшего из предыдущих формаций. С утверждением этой концепции и принятием ее на вооружение российским истеблишментом появляется возможность верной интерпретации нашей экономической истории, понимания допущенных просчетов, видение нашего будущего, императивов и магистральных тенденций развития человечества. ❖

Финансовая система России: условия и риски устойчивости

Михаил **Эскиндаров**,

вице-президент ВЭО России, ректор ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», заслуженный деятель науки Российской Федерации

Когда мы говорим о финансовых рисках, мы в первую очередь говорим и об экономических рисках России, но, хочу сразу отметить, что финансовая система представляет собой в основном банковскую систему, хотя бы потому, что сегодня, как мы видим, отношение активов банковского сектора к активам всей финансовой системы составляет 85 к 90. Много лет мы говорим о том, что надо развивать и другие сектора экономики, но на данном этапе все фактические риски экономической системы – это риски финансового сектора.

По состоянию на 01 января 2015 года совокупная прибыль российских банков сократилась на 40,7% — с 993 миллиардов до 589 миллиардов. Что это может означать для финансовой системы? Влияние банковского сектора на развитие финансового рынка и общая недифференцированность финансового сектора может привести к угрозе мультипликации системных рисков в целом. И очень важный момент — нынешнее состояние данной системы, а именно — повышенная стрессоустойчивость. Главным катализатором всех этих бед являются не только проблемы финансового сектора, но и, безусловно, внешние санкции, совсем недавно появившиеся. За последние 10-12 лет мы фактически прекратили поддержку реального сектора экономики, поставили его в крайнюю зависимость от деятельности иностранных фондов и кредитных учреждений, заставляя наши корпорации брать кредиты в зарубежных банках, в то время как мы могли использовать иные рычаги воздействия на реальный сектор экономики.

Фактором рискогенности финансовой системы России является

отток капитала. В период с 2009 по 2013 год он составлял 57 миллиардов долларов ежегодно, а уже в 2014 году из страны по официальным данным было выведено около 120 миллиардов долларов. При этом, в одно и то же время, у нас значительно сокращались международные резервы: с 509 до 378 миллиардов долларов. Спад мировой конъюнктуры энергоносителей, безусловно, не может не влиять на состояние финансовой системы и на ее риски.

Возвращаясь к банковскому сектору, хотел бы обратить внимание на количество отозванных лицензий. Мы почему-то используем только один механизм — отзыв лицензии, хотя существуют и другие способы — объединение, поглощение, дробление. В целом, динамика банковского сектора, к сожалению, достаточно сложная.

Нужна ли была докапитализация финансовой и банковской систем? Безусловно, нужна. Другого выхода у нас не было, хотя бы потому что это 85-90% всего финансового сектора. Сохранение стабильной российской банковской системы — это очередная задача, стоящая перед государством. И тот факт, что банкам выделяется один триллион рублей на докапитализацию — правильное решение. Но насколько это решение верно, насколько правильно были выбраны банки, насколько эффективно они будут работать, и вкладывать средства в реальный сектор экономики, а также насколько Центральный банк, Министерство финансов и другие контролирующие органы будут следить за использованием этих денег — это уже второй, не менее важный вопрос. Но хватит ли денег на то, чтобы банковская система осталась достаточно стрессоустойчивой, и будет ли возможность дальнейшего развития? Убежден, что через какое-то время придется проводить дополнительную капитализацию с принятием необходимых административно-хозяйственных мер.

И, если такое решение будет принято, то появится необходимость в оказании материальной помощи тем банкам, которые смогут взять на себя поддержку реального сектора экономики, а также банкам с перспективной устойчивой финансовой системой.

Коснусь проблемы сотрудничества с зарубежными финансовыми центрами. Переход от западных рынков на восточные, готовность Китая и других стран к взаимодействию. Мы достаточно много говорим о наших отношениях с Китаем, но, если посмотрим на экономические отношения указанной страны с другими странами, то, непременно увидим, что Россия в этом списке не является ведущей. Не стоит рассчитывать на то, что Китай будет активно содействовать экономическому развитию России. Он уже давно поставил перед собой задачу превращения юаня в свободно конвертируемую валюту, которая будет конкурировать с ведущими мировыми валютами. И уже сегодня юань занимает 1,7 % общего мирового оборота в расчетах. И Китай будет добиваться дальнейшего развития расчета в юанях. В связи с этим существует опасность прекращения существования нашего рубля даже как региональной валюты.

Считаю, что российской экономикой может помочь не таргетирование инфляции, а увеличение денежной массы, о которой так много говорится.

В.В. Путин заявил о том, что мы будем расходовать средства Фонда национального благосостояния. Одна цифра уже названа — на инфраструктуру будет направлено более 100 миллиардов рублей. Не очень большая сумма для того, чтобы привести ее в порядок.

Что же делалось на Западе в кризис 2007-2008 гг., и, что происходит в настоящее время? В первую очередь хочу обратить внимание на поддержку автомобильного транспорта в Америке. На самом деле к автомобильному транспорту привязано огромное количество других предприятий и различных отраслей. Я достаточно давно и неоднократно говорил, что нам действительно сейчас необходимо поддерживать военно-промышленный комплекс. У нас нет другой отрасли, которая смогла бы вытянуть остальные отрасли.

Все страны прилагают усилия для поддержки реального сектора, и в том числе Китай: налоговые льготы, кредиты предприятиям авиаиндустрии. Мы в этом отношении отстаем. Необходимо разработать механизм поддержки, в том

числе льготной, через институты госкорпораций и коммерческие банки.

Необходимо предусмотреть особый режим ключевой ставки Банка России для крупнейших банков, с условием постановки конкретных задач на финансирование отраслей производства. Эта реформа вызывает некоторые возражения, то есть существуют как положительная, так и отрицательная оценки такого предложения.

Во всех странах «двадцатки» существуют независимые органы по управлению системными рисками, и они активно работают в этом направлении. Мы в 2006 году на совещании в Правительстве предлагали учредить такой независимый орган, но свели все к созданию макрорегулятора. А независимый орган, который бы объединял не только финансовые учреждения, но и другие отрасли, а также управлял бы системными рисками, так и не появился.

Важно привлечь специалистов по антикризисному управлению, а также перевести под надзор Банка России систему административно-управленческих расходов коммерческих банков, оценить возможный риск банкротства системообразующих банков.

Очень важно вернуться к практике обязательной продажи валютной выручки в нынешних условиях на определенный срок.

Необходимо постоянно и доступно информировать население о принимаемых мерах. Зачастую люди получают недостаточно информации: отобрали лицензию, а что дальше, кроме многочисленных очередей? Нельзя не учитывать социальную обстановку в стране.

Следует разработать механизм диверсификации состава акционерных банков. В первую очередь речь идет о мажоритарных акционерах. Также нужно укрепить технологическую платформу российских банков, о которой мы уже говорили, и, конечно, усилить поддержку реального сектора экономики.

Можно продолжать перечислять множество других вариантов, но остановимся на этом, выразив уверенность в том, что наши резервы и наша система выдержат любые санкции. ❖

Отвечаем на вызовы времени: от эскалации потребления к эскалации духовности

Юрий **Якутин**,

вице-президент ВЭО России, научный руководитель ЗАО ИД «Экономическая газета», заслуженный деятель науки Российской Федерации

К выбору оптимальной, соответствующей современным реалиям модели социально-экономического развития мировой экономики можно подходить по-разному. Можно совершенствовать и развивать ту модель, которая действует сейчас. Но есть смысл проанализировать ее на предмет того, соответствует ли она потребностям цивилизации, как предлагает Гавриил Попов. И уже затем, определившись с общими подходами к выбору эффективной модели экономического роста на будущее, выбирать модель развития отечественной экономики.

Мы живем в обществе с идеологией потребления, которая сегодня активно пропагандируется по всем информационным каналам. Включите телевизор, посмотрите любой цветной журнал — везде один призыв: потребляй, покупай, используй, тебе это нужно!

Лидером, эталоном по уровню потребления сейчас является одна страна — США — которая, производя 22–25% (по разным оценкам), потребляет до 40% мирового ВВП. И сегодняшняя модель социально-экономического развития сформировалась на базе стиля жизни, экономического поведения США, которые воспитывают потребительское отношение к ресурсам, природе, жизни.

Так вот, десять лет назад немецкие ученые подсчитали, что, если распространить американские стандарты потребления еще и на население Китая, человечеству потребуется две планеты Земля. А если перенести эти стандарты на весь мир — минимум пять планет Земля. Но у нас только одна планета. И мы не можем обеспечить всем американский образ жизни, более того, если человечество пойдет по этому пути, оно либо уничтожит себя, либо уничтожит себя вместе с планетой.

Есть и другие негативные аспекты, сопровождающие эскалацию потребления.

Так, жители США выбрасывают за год из холодильников столько продуктов, срок потребления которых подходит к концу, что можно кормить ими в течение года всю Африку.

Можно также много говорить о том, что целевая установка на рост потребления приводит к росту загрязнения окружающей среды и другим рискам. Но, главное, человечеству нужно честно признаться: существующая модель социально-экономического развития, основанная на эскалации потребления, себя изжила. И в этом я также согласен с Г.Х. Поповым. Хотя очевидно, что еще какое-то время мы будем жить по этой модели, может быть, 100 или даже 150 лет.

Сегодня очевидно, что кризис, который в 2008–2009 гг. разразился на всей планете — мировой финансово-экономический, социально-экономический или системный кризис, — как его назвали, не был экономическим по своей природе, хотя и имел экономические основы. Это кризис цивилизационный. И связан он был с недостатками функционирования общества потребления. Как у человека, когда он болен, поднимается температура, так и этот кризис показал: что-то пошло не так в развитии человечества.

На самом деле этот кризис удивительный. Он начался не в сфере производства, а в сфере потребления.

Когда это было, чтобы кризисы начинались в сфере потребления? Никогда. Классическая схема — это кризис перепроизводства, когда производство дает больше, чем общество в состоянии потребить. Значит, нужно удешевлять продукты, а для этого нужен новый технологический уклад, обновление производства на новой технологической базе — и начинает раскручиваться спираль развития.

Но кризис 2008 г. не был связан с производством, он был связан с перепотреблением. Америка стала строить столько жилых домов и выпускать под это строительство столько спекулятивных ценных бумаг — страховых свидетельств, закладных, деривативов, что надулся огромный финансовый пузырь. И когда выяснилось, что страна не готова «переварить» столько спеку-

лятивной ипотеки, лопнули крупнейшие ипотечные компании, вслед за ними лопнули банки, а затем рухнула экономика США и всего мира.

Не было основания у России испытывать этот кризис. Но встроены в глобальную систему мирового хозяйства, мы его на себе ощутили.

Сегодня мы стоим на пороге создания новой цивилизационной модели развития человечества. И эту модель надо выстраивать с учетом того, что перепотребление недопустимо.

Человек экономический, который подчинен существующей системе и которому вся эта система подчинена, должен быть заменен другим человеком. Каким? Во-первых, не

па к интернету могут быть, скажем, на каждой остановке общественного транспорта. Это новые коллективные формы потребления.

Так вот, в центре нашей цивилизации надо поставить человека разумного, человека-творца, создающего новые знания и новые духовные ценности. И модель социально-экономического развития должна соответствовать этой целевой установке.

В этом году наша страна отметила 70-летие Победы в Великой Отечественной войне. Модель социально-экономического выживания страны тогда была особая, возникла она перед войной и была отменена не сразу же с победными салютами.

« В ЦЕНТР НАШЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ НАДО ПОСТАВИТЬ ЧЕЛОВЕКА РАЗУМНОГО, ЧЕЛОВЕКА-ТВОРЦА, СОЗИДАЮЩЕГО НОВЫЕ ЗНАНИЯ И НОВЫЕ ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ

отягощенным рекламой, которую ему навязывает культ потребления. Нужно формировать культ созидания, и прежде всего культ созидания самого человека. Не созидать заводы ради заводов, фабрики ради фабрик, дороги ради дорог, нет. Человеку духовно развитому, творчески свободному не нужно столько объектов для потребления, сколько он имеет сейчас.

Надо развивать коллективные формы потребления. Например, компьютер должен быть под рукой у каждого, но это не означает, что каждый обязан иметь собственный компьютер. Сегодня по всей Москве есть доступные пункты проката велосипедов. Такие же пункты досту-

Благодаря этой модели чрезвычайно быстро было восстановлено разрушенное войной народное хозяйство. Но со временем встал вопрос о совершенствовании хозяйственного механизма. Уже в начале 1950-х годов стали проходить до сих пор памятные научно-практические конференции и семинары, посвященные проблемам экономической политики, развития колхозного строя, освоения новых территорий, судьбе товарно-денежных отношений.

Предлагавшиеся изменения подержала в какой-то мере косыгинская реформа 1965 г., впрочем, не осуществленная до конца. Попытки реформирования советского хозяй-

ственного строя предпринимались и в 1979–1982 гг., но речь в основном шла об углублении хозрасчета, расширении сферы его использования, развитии производственных объединений.

Подготовка к рыночным реформам, по сути, была начата в 1986 г. Всесоюзной научной конференцией, организованной с инициативным участием Научно-экономического общества, возродившего дело Вольного экономического общества.

Тогда мы также были в поисках новой модели экономического развития, которые в конечном итоге привели к радикальной экономической реформе, трансформации плановой экономики в рыночную.

Исчерпана ли эта тема? Нет, не исчерпана, хотя, если взять все 200 томов научных трудов ВЭО России, мы увидим, что она образует поистине Монблан новых положений научно-экономической, социологической, статистической мысли. Ведь каждый раз новое время ставит новые задачи. И чтобы сегодня определиться с тем, каким должен быть ответ на вызовы нашего времени, понять, в чем новизна его требований, мне кажется нужно учесть два основных аспекта.

Ныне нужно говорить о выборе эффективной модели социально-экономического развития России в глобальном мире, обеспечивающей ей прочные позиции в глобальных хозяйственных процессах, успешное продвижение по мировым рынкам.

Важно определить отправную точку и сделать выводы из недавнего прошлого, в том числе вынести уроки из кризиса 2008–2009 гг., о котором я уже говорил.

Кроме того, добавились проблемы, связанные с присоединением Крыма и западными санкциями против России.

Нужно также уточнить свое место в международном разделении труда, характер участия России в глобальных хозяйственных процессах. В этих процессах имеются разные уровни участия — в масштабах страны, в двухсторонних международных отношениях, в региональных союзах, в транснациональных корпорациях и т. д. Россия стремится работать на всех этих уровнях. Ныне выбор модели социально-экономического развития невозможен без активного присутствия России в таких глобальных мирохозяйственных процессах, где

главенствующую роль начинают играть крупные региональные образования, как БРИКС, ЕврАзЭС.

Конечно, есть и крупные наднациональные проекты в рамках двух государств, которые могут быть эффективны при усилении, скажем, восточного вектора развития нашей экономики. Пример — совместный проект Газпрома и Турции о строительстве газопровода, ставший отличным ответом на западные санкции и их фактически запретительный для нас энергопакет Еврокомиссии.

Важнейшее значение имеет и экономическое взаимодействие с Китаем, который опережает уже США по объему валового внутреннего продукта. Китай весьма заинтересован получать российские нефть и газ, создавать с нашей помощью мощные атомные электростанции. Увеличение экспортных поставок энергоресурсов в Китай отвечает и интересам России. Поэтому уже ведется строительство нефтепровода Восточная Сибирь — Тихий океан протяженностью 4800 км, увеличиваются поставки в Китай российского газа. Потребность Китая в газе оценивается к 2020 г. в 140 млрд кубометров в год. Ожидается, что больше половины этой потребности будет удовлетворяться российским газом. В атомной энергетике при российском содействии строится Тяньваньская АЭС, где уже работают два из четырех агрегатов, а также решается проблема производства топлива для китайских атомных электростанций.

Кроме сотрудничества в сфере энергетики весьма перспективными представляются предлагаемые проекты развития трансконтинентальных перевозок, трансконтинентального моста между Европой и Азией, более выгодного, чем морские перевозки через Суэцкий канал.

В новых проектах учитывается, что они создаются в постиндустриальную эпоху. Ей присуща иная экономика, в которой возрастает роль финансовых рынков, науки и научного обслуживания, образования, новых технологических достижений, информационных и нанотехнологий, логистики.

Таким образом, новая модель социально-экономического развития России встраивается в более крупную модель глобального позиционирования России в мировой эко-

номике и мировых хозяйственных процессов.

Новая модель хозяйствования формируется не из фантазий ученых, их теоретических постулатов. В ней отражаются тенденции экономических процессов, новые социально-экономические явления, поскольку ученые отслеживают их позитивные стороны, предусматривают возможности устранения всего негативного, что мешает прогрессу. Можно выделить несколько отрицательных моментов.

На первое место я ставлю коррупцию — это те пути, которые скрывают продвижение вперед практически в любой отрасли. Нужно бороться с этим, привлекая мировой опыт. Как известно, экономическое чудо Сингапура начиналось с того, что там смогли потеснить коррупцию, создав особый комитет, наделенный большими полномочиями для борьбы с коррупционерами.

Коррупция, как ржавчина, разъедающая весь остов здания российской экономики, тесно связана с состоянием нашей банковской системы. Ни одна коррупционная сделка не проходит мимо банков. Либо здесь осуществляется платеж, либо выдача наличных денег, либо банки работают через офшоры. Офшорную банковскую схему российской экономики нужно очень серьезно реформировать.

Валютные счета, нужные нашим контрагентам, хорошо бы держать в России, но мы почему-то оставили работу по формированию Московского финансового центра, который может стать важным структурным элементом деофшоризации.

Наши банки настоящей банковской работой, по сути, и не занимаются. Во Франции, в Англии инфляция составляет 2–4%, у нас же инфляция дает возможность повышать проценты за кредит. Банкам поэтому не нужно заниматься инвестированием в промышленность, инвестиционной деятельностью на рынке ценных бумаг, новыми технологиями, они могут прожить на элементарном ростовщичестве.

Я не призываю выстраивать эффективную модель, в которой все predetermined. Модель сформируется сама, если мы будем четко видеть перспективу, устранять недостатки нашей экономики, учитывать новые элементы и тренды, чтобы обеспечить прочный фундамент будущей экономики России. ❖

Российская экономика на повороте

Евгений **Ясин**,

член Правления ВЭО России, научный руководитель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Ярослав **Кузьминов**,

ректор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Наталья **Акиндинова**,

директор Института «Центр развития» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

В последнее время мы вынуждены констатировать некоторое отставание по темпам роста от развитых стран. Пусть это отставание носит временный, случайный характер и в будущем нас ожидает поддержание темпов на уровне — 2–2,5% в год, как и у развитых стран. Однако это означает, что модернизация для нас будет недоступной: только освоение того, что уже освоено более передовыми странами. И всегда отставание, вечное пребывание в разряде развивающихся. Мы не стараемся сгущать краски, это просто худший, но вполне вероятный сценарий из всех возможных.

В целях модернизации и успешного развития экономики нам предстоит произвести существенные изменения в экономической политике, но, возможно, еще больше — в политической и правовой системах, чтобы создать благоприятные условия для повышения темпов экономического роста.

Рост российской экономики на следующем этапе не может быть достигнут за счет экстенсивных факторов. Население, в том числе экономически активное, видимо, будет сокращаться или, в лучшем случае, окажется стационарным. Увеличение основного капитала, в том числе за счет повышения

доли накопления, в принципе возможно, но при этом следует иметь в виду, что просто увеличение объемов выпуска без повышения производительности в складывающихся условиях крайне невыгодно. Рост производительности, эффективности — ключ к решению проблем российской экономики. Но вряд ли серьезное повышение эффективности окажется возможным только за счет увеличения инвестиций, особенно государственных. Требуется радикальное улучшение инвестиционного климата при усилении стимулов **конкуренции**. Предпринимательская деятельность должна стать более **свободной**, но в то же время необходимо ее ввести в более простые, но строгие рамки **права**.

Но как это сделать? В том то и дело, что речь идет о сложнейшей задаче осуществления масштабных культурных сдвигов, в ходе которых затрагиваются интересы различных групп и слоев населения, меняются институты, порядки, готовность общества к их соблюдению. Речь идет о третьей, еще не решенной проблеме — демократизации. И не столько о разовых масштабных реформах, сколько о последовательном формировании новых институтов.

В рамках основного сценария, который сейчас разворачивается, возможна развилка.

Первый вариант — условно назовем его «Консервация» — сводится к попытке сохранить имеющиеся параметры макроэкономической политики — в первую очередь бюджетное правило, а также достаточно жесткую денежно-кредитную политику, направленную в первую очередь на ограничение инфляции. При этом инструментом поддержки экономической активности останется реализация Дорожных карт улучшения инвестиционного климата при умеренном финансировании инфраструктурных проектов за счет Фонда национального благосостояния. В этом варианте в рамках жестких бюджетных ограничений и при росте централизации управления возможно усиление борьбы с коррупцией. Умеренный приток инвестиций из Китая окажет поддержку энергетическому сектору и инфраструктурным проектам.

На наш взгляд, реализации такой политики может оказаться недостаточно для того, чтобы в нынешних условиях добиться оживления экономической активности. При этом вариант «Консервация» сохранит риски неустойчивости платежного баланса, ползучей девальвации, напряженность региональных бюджетов. На это накладываются дополнительные транзакционные издержки вынужденного импортозамещения (поиск новых поставщиков и налаживание связей). При этом стимулы к естественному импортозамещению в условиях ползучей девальвации останутся ограниченными.

Более реальной является постепенная замена дорогих и качественных товаров более дешевыми аналогами, например, из Китая. В условиях сдерживания роста доходов и кредитования потребительский спрос населения не обеспечит масштабной поддержки отечественным производителям. Снижение доступности инвестиционного импорта чревато деградацией высокотехнологичных секторов. Консервация сырьевой модели экономики будет воспроизводить высокий уровень неравенства по доходам. Такая экономика не будет привлекательна для активных слоев населения, и утечка мозгов продолжится.

При движении по этой траектории существует риск быстрого сползания экономики в рецессию.

Отрицательная динамика ВВП даже на небольшом периоде усиливает позиции сторонников смягчения или отмены бюджетного

правила и ослабления денежно-кредитной политики. Реализация этого варианта, который можно условно назвать «Экспансия», при прочих равных чревата ускорением оттока капитала и быстрым ослаблением рубля. Избежать этого можно, лишь усилив ограничения на трансграничные операции и обращение иностранной валюты, что будет означать повышение уровня закрытости экономики. Само по себе введение подобных ограничений вызовет серьезное недовольство прежде всего у представителей среднего класса, привыкших свободно обменивать валюту для заграничных поездок, делать покупки через интернет и диверсифицировать сбережения.

изводства продукции, недостаточно конкурентоспособной в условиях открытой экономики. При этом проблемы локализации производства сырья и комплектующих для многих предприятий могут оказаться неразрешимыми. Интенсивное импортозамещение в условиях недостаточной конкуренции приведет к падению среднего качества производимой продукции и росту цен производителей. Также при подобном развитии событий велики риски усиления рентоориентированного поведения и коррупции. Достижение краткосрочного ускорения роста (до 2,0–2,5%) будет поощрять попытки добиться путем экспансии государства и более высоких темпов роста.

УВЕЛИЧЕНИЕ ОСНОВНОГО КАПИТАЛА, В ТОМ ЧИСЛЕ ЗА СЧЕТ ПОВЫШЕНИЯ ДОЛИ НАКОПЛЕНИЯ, В ПРИНЦИПЕ ВОЗМОЖНО, НО ПРИ ЭТОМ СЛЕДУЕТ ИМЕТЬ В ВИДУ, ЧТО ПРОСТО УВЕЛИЧЕНИЕ ОБЪЕМОВ ВЫПУСКА БЕЗ ПОВЫШЕНИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ В СКЛАДЫВАЮЩИХСЯ УСЛОВИЯХ КРАЙНЕ НЕВЫГОДНО

С точки зрения отечественного бизнеса ограничение валютных операций (и движения капитала) также несет дополнительные издержки. Можно заставить предпринимателя вернуть капиталы и прибыль в Россию, заплатить налоги, труднее заставить его инвестировать в производство и обеспечить эффективность инвестиций.

В краткосрочном периоде смягчение бюджетных ограничений может простимулировать увеличение про-

В этом также заключается ловушка. В отсутствие четких ориентиров бюджетной и денежно-кредитной политики дефицит и инфляция выйдут из-под контроля и вариант «Экспансия» себя исчерпает.

На наш взгляд, на определенном этапе возврат к идее открытой конкурентной экономики, опирающейся не на экспансию государства, а на рыночные институты, децентрализацию и человеческий капитал, является неизбежным. ⇐

**ВЭО России:
история
и современность**

ВЭО России: всегда на пике перемен

Гавриил **Попов**,

президент ВЭО России,
президент Международного
Союза экономистов, академик
РАЕН

Виктор **Красильников**,

первый вице-президент
ВЭО России, первый вице-
президент, генеральный
директор Международного
Союза экономистов, академик
РАЕН

Вольному экономическому обществу России исполнилось 250 лет. Это важное событие для Российского государства. Четверть тысячелетия, со времен Екатерины Великой, история России, перемены в ее экономической и хозяйственной жизни — это и история самого ВЭО.

Традиционно Общество объединяло и объединяет интеллектуальную элиту страны — ученых и экономистов-практиков, желающих быть полезными Отечеству.

Идея учреждения такой организации принадлежала Михаилу Ломоносову. Он всего несколько месяцев не дождался ее реализации.

Кто были люди, основавшие в 1765 году Императорское Вольное экономическое общество? Статс-секретарь Екатерины II, сенатор Адам Олсуфьев, генерал-адъютант граф

Григорий Орлов, действительный тайный советник, граф, отец сподвижницы императрицы — Екатерины Дашковой — Роман Воронцов, обер-прокурор Сената граф Иван Чернышев, члены Российской академии наук, Медицинской коллегии и Коллегии иностранных дел, ученые и политические деятели.

Но они не имели «намерения ни к получению собственной корысти, ни к тщеславному показанию своих способностей». Ими двигало желание быть полезными Отечеству.

Почему Екатерина II поддержала их намерение повсеместно распространять передовой опыт ведения хозяйства? Потому что с самого момента вступления на престол императрицу не покидали мысли о процветании России. Екатерина писала в своем дневнике, что надо делать:

- Просвещать нацию, которой должна управлять.

- Ввести добрый порядок в государстве, поддерживать общество и заставлять его соблюдать законы.
- Учредить в государстве хорошую и точную полицию.
- Способствовать расцвету государства и сделать его изобильным.
- Сделать государство грозным в самом себе и внушающим уважение соседям.

Всего пять пунктов — но это целая программа, предполагавшая модернизацию всей экономической, политической и социальной жизни России. Поддержки и помощи в ее реализации Екатерина Великая искала не только у чиновников и бюрократов, но и у самых просвещенных людей своего времени. «Вольных», то есть не зависящих от каких-либо государственных органов, но и патристично относящихся к делам

в своем Отечестве, поэтому «Императорское». Кстати, одним из вариантов названия организации было «Патриотическое общество».

Чем занималось Императорское Вольное экономическое общество в начале своей деятельности? Развивало сельскохозяйственные науки, внедряло новые агротехнические приемы обработки почвы, издавало литературу по животноводству, уходу за растениями и переработке сельхозпродукции. Вся эта информация была подкреплена практическими исследованиями. Устав обязывал членов ВЭО проводить в своих имениях опыты по всем направлениям народного хозяйства — от земледелия и промыслов до горных дел и мануфактур. Устав также обязывал всех членов Общества отслеживать мировые технические новинки, заниматься переводами трудов иностранных авторов по экономике с учетом возможного использования их в России.

Важнейшим направлением деятельности Императорского ВЭО была поддержка прогрессивных начинаний в экономике. Регулярно проводились конкурсы по политэкономическим и прикладным сельскохозяйственным и техническим проблемам: только за первое столетие работы Общества было объявлено 243 конкурсные задачи. Победителей награждали медалями и денежными премиями. Их изобретения, передовые идеи, мнения становились достоянием широкой общественности.

Практически с момента своего основания Общество организовывало публичные дискуссии по социально острым проблемам. В конкурсах и на заседаниях ВЭО поднимались вопросы земельной собственности и крепостнических отношений, барщинной и оброчной форм крестьянских повинностей, вольнонаемного труда, сочетания земледельческого и промышленного производства, вопросы внутренней и внешней торговли, финансового хозяйства, налогов, общинного и личного земледелия.

Очень важно, что с самых первых своих шагов ВЭО ориентировалось не просто на реформы, а на самые радикальные реформы. Но, даже выступая в качестве оппозиции правящим кругам, Вольное экономическое общество оставалось на позициях

служения Российскому государству, коренным интересам российского народа, полностью оправдывая статус Императорского.

Еще 250 лет назад Вольное экономическое общество России объявило и провело конкурс по определению путей повышения эффективности производства. И более чем замечательно, что на этом конкурсе первое место Императорское ВЭО присудило проекту, в котором доказывалось преимущество свободного труда над крепостным. Так, в завуалированной форме (иначе тогда было нельзя) ВЭО подчеркнуло в качестве главной задачи России отказ от крепостничества. Однако для окончательного избавления огромной части населения страны от крепостной зависимости властям потребовалось без малого 100 лет размышлений и острых дискуссий, крестьянские бунты, восстание декабристов и бесславное поражение России в Крымской войне.

ВЭО отвергало кровавые революционные пути и старалось избежать социального взрыва в стране. Не в последнюю очередь благодаря Вольному экономическому обществу Россия начала в 1861 году великие реформы и избрала мирный вариант перемен. Четкая долгосрочная программа модернизации, рассчитанная на 20 лет, включала земельную реформу, реорганизацию судебной и полицейской власти, реформу армии, создание крестьянского, дворянского и городского самоуправления. В отличие от перестройки Горбачева, после 1861 года главной была экономическая база. Итогом реализации этой системы мер стала нормальная, средняя по уровню промышленно-развитая европейская страна.

С 1881 года Александр II намечал переход ко второму циклу реформ, в результате которого Россия окончательно выходила из феодализма и превращалась в конституционную монархию. Реализовать этот замысел императору не удалось. Его преемником Александру III и Николаю II целых 25 лет удалось просидеть на двух стульях — отживающий свой век, но не ликвидированный до конца феодализм и нарождающийся капитализм.

Экономическое развитие России тормозилось. Успешно строились железные дороги, заводы, фабрики, развивалась торговля. Но в сель-

ском хозяйстве — а Россия тогда была преимущественно аграрной страной — крестьяне были скованы общиной, малоземельем и безденежьем. Незавершенная реформа на несколько десятилетий обрекла половину населения страны на голод, пьянство, забитость и темноту. В итоге в начале XX века Россия погрузилась в бурю трех русских революций.

Сегодня свой 250-летний юбилей ВЭО встречает в сложной для России ситуации. Есть все основания полагать, что и перед нынешней властью стоит жесточайшая дилемма. Либо завершить реформы по выходу страны из бюрократического социализма, либо ждать социальных взрывов.

России необходимо провести второй цикл модернизации для завершения выхода из социализма — развивать уже проведенные реформы и начинать новые.

В экономике:

- провести земельную реформу — это не сделано,
- провести деконцентрацию и демополизацию того, что досталось нам в наследство от СССР в частном и в государственном секторах,
- принципиально изменить подход к малому и среднему бизнесу,
- обеспечить реальную конкуренцию,
- реорганизовать банковскую сферу.

Что необходимо изменить в государственном устройстве?

Первое — это независимость низового звена государственного механизма — муниципалитетов, или земств. Без местного самоуправления ни в одной стране демократия не существует.

Второе — в России необходимо обеспечить независимость государственной службы. Тут ничего изобретать не нужно, в развитых странах это давно сделано.

Далее, необходимо обеспечить независимость среднего звена власти, завершить федерализацию, чтобы основные вопросы решались не в центре, а в среднем звене. А также создать в государстве независимые структуры будущего: должен быть Госплан и десятки учреждений, которые занимаются стратегиями развития страны и не зависят от текущих выборов.

Не менее важно обеспечить независимость судебной власти и средств массовой информации.

Нам нужно завершить реформу социальной сферы:

- преодолеть крайности неравенства, ограничив пределы личного богатства и размер наследования,
- сформировать реальные основы для существования нормального среднего класса,
- обеспечить независимость и самоорганизацию интеллигенции,
- создать условия, при которых в обществе будет проявляться слой уважаемых людей, элита.

Перечисленные меры позволяют усовершенствовать то, что уже сделано в России в ходе реформ. Но все это касается только одной трети, в лучшем случае — половины нашего государства.

Гигантская часть современного российского общества — его непродовственная сфера — до сих пор не вышла из социализма. В здравоохранении, науке, образовании, культуре, спорте тотально господствуют государственные структуры. Они достались России в наследство от бюрократического социализма, порой с теми же бывшими советскими бюрократами. В итоге непродовственная сфера развивается малоэффективно. Для России сегодня важно и здесь перейти к трехблочной постиндустриальной системе — государственное, коллективное и частное управление. Осуществить разгосу-

дарствление здравоохранения, образования, культуры, науки, спорта, чтобы в этих областях появилась здоровая конкуренция. Деньги, которые государство расходует на непродовственную сферу, должны быть переданы в руки тех, кто будет пользоваться услугами этой самой непродовственной сферы и оплачивать их.

В России постиндустриализм и его рыночные механизмы функционируют в сфере добычи сырья и естественных монополий. В развитых постиндустриальных странах все с точностью наоборот — государство контролирует природные ресурсы, энергетику, транспортные перевозки, а в непродовственной сфере преобладают негосударственные структуры.

Главной задачей Вольного экономического общества России на ближайшее время становится разработка программ модернизации российской экономики и ее непродовственной сферы, их публичное обсуждение, доведение до народа и руководства страны.

Разработке модели эффективного экономического развития страны будет посвящена научная дискуссия на юбилейном Съезде ВЭО, который состоится 31 октября в Колонном зале Дома Союзов.

В уставе Общества по-прежнему на первом месте значится «неправительственная, некоммерческая, независимая». ВЭО не отождествляет себя ни с государством в целом, ни тем более с той или иной ветвью государственной власти. Мы открыты для всех, кто разделяет нашу цель — укрепление экономики России. На мероприятиях в Вольном экономическом обществе встречаются сторонники разных политических и экономических взглядов. У каждого из них свое мнение по обсуждаемым вопросам, и тем ценнее становится многолетний опыт ВЭО по аккумулярованию и анализу различных взглядов, позиций, программ и предложений. Мы собираемся, чтобы каждый мог высказать свою точку зрения и обсудить ее с коллегами.

Любые прогрессивные идеи опережают свое время. Идеи прорастают медленно, они должны созреть. И тогда их услышат те, кому они адресованы.

Общественная организация должна объединять всех экономистов

независимо от их принадлежности к тем или иным экономическим школам. В постиндустриальном обществе научные разработки и научные школы неизбежно сосредотачиваются в исследовательских центрах, объединяющих с определенной степенью ангажированности солидарных друг с другом ученых. Но для выработки программных решений в интересах всего государства возникает острая потребность в организации, которая дает возможность ученым различных направлений встречаться, взаимодействовать профессионально, обсуждать интересующие их вопросы и спокойно дискутировать. В этом роль ВЭО трудно переоценить.

Старая традиция ВЭО быть одновременно «императорским» и «вольным» позволяет ему и объективно, и критично оценивать современные российские преобразования, вносить важные предложения, в том числе и расходящиеся с официально принятой экономической политикой.

Мы очень ценим, что руководство Российского государства, как в прошлом императоры России, с пониманием и с одобрением относится к такой нашей позиции.

«Мы удивляемся, что у нас нет предприимчивых людей. Но кто же решится на какое-нибудь предприятие, когда знает, что не сегодня, так завтра по распоряжению правительства его законно ограбят. Можно принять меры против голода, наводнения, против огня, морской язвы, против всяких бичей земных и небесных, но против благодетельных распоряжений правительства — решительно нельзя принять никаких мер» — эти слова были сказаны одним из президентов Императорского ВЭО Николаем Мордвиновым 200 лет назад, а как остро и актуально звучат они сегодня.

Осуществляя реформы — политические, социальные, экономические, важно опираться на огромный потенциал отечественной экономической науки, на опыт десятков поколений российских экономистов-практиков, сконцентрированный в духовном и научном наследии Вольного экономического общества России.

Потенциал у ВЭО огромный. Дело за нашей готовностью действовать. ⇐

ЮБИЛЕЙНЫЙ СЪЕЗД

Гавриил Попов Великая альтернатива XXI века.....	8	Борис Порфирьев Зелёная экономика: реалии и перспективы	38
Сергей Бодрунов Промышленная политика России: уроки прошлого, черты настоящего, дизайн будущего	12	Юрий Росляк Кризис требует мобилизации.....	39
Сергей Глазьев О необходимости смены экономической политики России	16	Дмитрий Сорокин Экономическая теория и экономическая реальность	40
Михаил Горшков Российская идентичность в контексте новых вызовов и рисков.....	17	Сергей Рябухин Стратегическое планирование как фактор повышения эффективности бюджетных расходов.....	43
Руслан Гринберг Мировоззренческие тупики экономической политики ..	18	Гарегин Тосунян О стратегических задачах развития российской банковской системы и роли процесса стандартизации в их выполнении.....	44
Виктор Гришин Российская экономика на перепутье: как перейти от стагнации к инновационному развитию.....	20	Дмитрий Черник К вопросу о налоговой политике современной России	45
Михаил Делягин Трансформация человечества: ключевые зоны неопределенности	21	Михаил Шмаков К вопросу о формировании и реализации эффективной модели социально- экономического развития Российской Федерации.....	46
Александр Дынкин Кризис миропорядка: поиски выхода.....	22	Георгий Цаголов Интегральное общество: на смену капитализма и социализма.....	47
Михаил Ершов Об экономическом росте в условиях валютной нестабильности и денежных ограничений.....	25	Михаил Эскиндаров Финансовая система России: условия и риски устойчивости	48
Виктор Ивантер Экономическая ситуация в России в 2015 году: некоторые оценки.....	26	Юрий Якутин Отвечаем на вызовы времени: от эскалации потребления к эскалации духовности	50
Георгий Клейнер Системная экономическая теория и проблемы стабилизации российской экономики	30	Евгений Ясин, Ярослав Кузьминов, Наталья Акиндинова Российская экономика на повороте	53
Андрей Клепач О трудных вопросах экономической политики и науки.....	33	ВЭО РОССИИ: история и современность	
Александр Мурычев Кризис дает шанс начать структурное преобразование экономики	36	Гавриил Попов, Виктор Красильников ВЭО России: всегда на пике перемен	56
Александр Петриков Тенденции развития сельского хозяйства и направления современной агропродовольственной политики России	37		

